

16+

Юлиана Гиндуллина
Привет, Роза

Что будет, если...

Drn Ufa

Юлиана Гиндуллина

Привет, Роза

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Гиндуллина Ю. Р.

Привет, Роза / Ю. Р. Гиндуллина — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Лия перешла в десятый класс. Она старается жить моментами, наслаждаться каждой секундой, но прошлое не отпускает. Лия скучает по друзьям, которые оборвали с ней связь. Сможет ли она принять реальность и окунуться в мир новых знакомств и отношений? Ведь жизнь так прекрасна!

© Гиндуллина Ю. Р., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Юлиана Гиндуллина

Привет, Роза

Вступление, похожее на вырванный лист из дневника

Секунды обычно не слушаются. Их просишь остановиться, хоть на мгновение, но усилия тщетны. Время доминирует. Всегда так было. Дни, часы и минуты ты можешь замедлить, превратить в волшебную пыль, которой пользуется фея Динь-Динь. А на секунды не хватает сил.

Особо трудно Лие. Она пыталась хватать за хвост секунды, но в то же время ей хотелось, чтобы время улетело от нее. Лия пообещала Розе жить мгновениями, но иногда время так мучительно. Точно вредная привычка, которую нужно незамедлительно устранить. Кнопка разрушения рядом, но не хватает смелости нажать на нее указательным пальцем. Хочешь вести здоровый образ жизни, есть только полезную еду, заниматься спортом или чего хуже – йогой, но в итоге ты временами открываешь дверь ресторана еды быстрого приготовления, за которой тебя ждут молодые люди с фирменными кепочками и улыбками до ушей. Неестественно ароматный запах еды обитает в каждом уголке заведения, он манит тебя, причем очень результативно. Ты уже купил картошку фри и сырный соус.

Прошло больше года. Страшно представить, что может произойти за такое долгое время. Навсегда можно потерять то, что любил или найти свое будущее, радоваться судьбоносной находке.

Уже странный десятый класс, когда находишься во Вселенной времени между двумя выпускными классами. Ты сдал экзамены после 9-го, но осталось перетерпеть и последний – самый решающий. 10-ый класс некого рода передышка. Галактика, похожая на Чистилище, где иногда представляешь себя в роли судьи, а заключенный естественно ты сам. Вспоминаешь результаты экзаменов после 9-го и размышляешь о будущем. Боишься с грохотом провалиться, опозорить родителей. Наверное, у каждого школьника есть такое чувство в классе Чистилища, просто кто-то хорошо скрывает страх под маской равнодушия, а кто-то открыто говорит о своей боязни. Некоторые вообще и представить не могут будущее: им нравится оставаться в десятом классе и пинать балду.

После девятого жизнь школы меняется. Люди другие. Многие уходят в колледжи, надеясь на легкое существование, другие же хотят скорее повзрослеть. Друзья исчезают, несмотря на многолетнюю дружбу, вторые половинки растворяются в пространстве. Ты начинаешь замечать, что исходящих заявок в друзья в социальной сети прибавляется. Со временем даже забываешь некоторые лица, имена и фамилии знакомых, с которыми прекратил общение. Новшество обязательно нахлынет, от которого ты не убежишь.

Когда ты был в первом классе, учителя казались суровыми королями в королевстве знаний и воспитания чувств. Дрожишь, волнуешься за оценки и все время смотришь на своего учителя в надежде на то, что на тебя не накричат при всем классе. Это страшнее и обиднее всего. Взрослея, переходя на одну ступень класса выше, равнодушие больше охватывает твое существо; осознаешь, что учителя не грозные наставники, а вредные люди без личной жизни, проводящие всю свою жизнь в этом здании, наполненном детьми или наоборот лучшие друзья, помогающие понять, кем ты можешь стать и как измениться.

Сказки на первый день

– Здравствуйте, я не буду говорить, что отныне беру вас под свою опеку. Я просто скажу, что, если вы не сдадите экзамены после одиннадцатого класса, я могу впасть в депрессию. –

Новый классный руководитель в 10 «А» классе производит на подростков неопределенное впечатление. Послышались смешки и быстрые перешептывания. Женщина вроде и шутит, а вроде говорит на полном серьезе. – Да шучу я, ничего со мной не произойдет, а вот с вами будет плохо. Ладно, меня зовут Луиза Вадимовна. Не привыкайте ко мне, иначе не отвяжетесь, никого приручать не собираюсь.

– Хорошее начало. – Рыжик строит глазки новой учительнице.

– У вас острый язык. – Она заметила хитрый взгляд и сразу провела границу. Хотела что-то добавить к своим словам, но зазвонил телефон с музыкой из... (отгадайте какого фильма) «Титаника!» Наверное, Селин Дион заставила сердце учительницы трепетать.

Ей пришлось выйти из класса. Она покинула кабинет, быстро цокая черными туфельками и каждый раз поправляя свои и так идеальные волосы.

Десятиклассникам стало любопытно, что за человек перед ними. Женщина, знающая толк в моде. На ней темно-зеленое облегающее платье с удлиненными рукавами, точно подчеркивающее фигуру. Луиза Вадимовна отличается от других учителей присутствием стиля. Обычно они накидывают шальки, балахоны для свободы в движениях, кто-то благодаря этой одежде, зарывается в тепло. Ей было сорок лет, но выглядит она на тридцать. Десятку скинул имидж. Туфли на изящном каблучке, красная помада, причем очень яркая, светлые волосы до плеч. Собирается на свидание?

– Вы видели ее когда-нибудь? – спрашивает кудрявый Рома, обращаясь к классу. Именно он старательно строил глазки учителю.

– Эй, будь тише, все-таки она за дверью. У тебя вообще манер нет, а у нее есть слух, – пытается тихо говорить Мария.

– Мне кажется, ей будет все равно, если она услышит наш разговор. – Улыбается Рома в ответ. Его кредо – шутить. Шутки, приколы, юмор, анекдоты, сарказм, заразительный смех. Все словечки относятся к скомороху класса. Эта роль была его жизнью. К тому же он не только кудрявый, он еще и рыжий. Про его фамилию ничего смешного сказать нельзя. Да, она серьезная – Химчистка. Деловой атмосферой немного попахивает, но больше запаха химии. Вроде логично. Роман Химчистка. Как раз-таки фамилия была его слабым местом. Химчисткой могли называть только некоторые учителя, закаленные внутри всеми сюрпризами жизни, с ледяным сердцем в душе и мрачным взглядом. Этим учителям ничего не страшно.

Роме никогда не нравилась его фамилия. Ничего не возмущало, но именно фамилия раздражала больше всего. Однажды, зимним утром, когда снежинки только просыпались и готовились к балу волшебных хороводов, а в школе только-только включали свет в коридорах, смельчаки-странные школьники, которые пришли очень рано, начинали заполнять «святылище знаний», будто образовывали муравейник. Так вот, на этот раз таким странным смельчаком оказался Рома. Не любил ходить в школу пешком, поэтому не поленился встать рано, чтобы его подвезли родители.

Идет по полупустым коридорам, словно это обычное дело. Ничему не удивляясь, не боясь темноты и страшного таинственного темного зверя, выпрыгивающего из тьмы. Он даже никого не пугал, просто шел, каждые пять секунд вздыхая и зевая. Причем, когда зевал, не закрывал рот рукой. Казалось, что он поедает все движущееся ему навстречу. Хотя кроме стен и дверей навстречу ему никто не попадался.

Он вошел в кабинет русского языка, а точнее приплыл и сразу плюхнулся на первую парту, неважно чью, главное он прошел испытание – встал и добрался до первой парты кабинета русского языка. Рыжая голова лежит на деревянной парте, как красное пламя в ночи, ах да, он же не включил свет.

Царапая что-то ногтем указательного пальца по парте, Рома уже почти отключался от мира сего, а точнее школьного. Ему захотелось потрогать парту от правого изгрызенного края до середины. Уже что-то найдя, рыжий мальчишка стал ощупывать мягкой подушечкой пальца

какой-то символ. Первый знак похож на крестик, а второй на букву «и». Видимо, нацарапано слово. Рома резко привстал, раздвинув руки в разные стороны. Рыжий костер превратился в пылающий деревянный дом. Как тигр, он быстро включает свет и смотрит на зловещее, ядовитое слово. Синей дешевой ручкой на парте написано «ХИМЧИСТКА». Злость черными силами, выползает из его души, заглатывая весь кислород в классе. Показалось, что растения на подоконнике вянут, а вода в ведре испаряется. В комнате не остаётся воздуха, лишь тупая пустота, наполненная ядовитыми парами. Однако перенесемся в настоящее:

– Откуда ты знаешь? – писклявит Мария.

– Я не знаю, я предполагаю. Спроси у Дали (внимание, ударение ставится на второй слог), он же у нас всезнающий. – Злой блеск сверкнул в глазах Ромы.

Он глядит на парня, который сидит за последней партой и задумчиво смотрит в окно. Все уставились на Дали. Рома пульнул в него бумажный шарик и расхохотался петушиным смехом. Он смеётся над тем, что сумел скомкать вырванный лист из тетради по истории и бросить в парня. Все начали смеяться, повторять за Ромой и кидать не только бумажные шарики, но и кусочки от ластиков, клочки бумаги. Он новенький в этом году. В классе вообще очень много новых людей, или перешедших из параллелей, но почему-то именно для Дали нашлись бумажки и насмешки.

Дали не обращает на них внимание. Он словно не видит и не слышит. Погрузился в свой мир, продолжал смотреть за окно. В одну единственную точку. Смотрел, не опуская взгляд. Казалось, он нашел что-то настолько важное и великое, что способно отнять его от реального мира. Но как этим истинным смыслом могла оказаться точка в окне? Сначала про него шли слухи, что он глухонемой, все начали делать вид, будто они не равнодушны и что им очень жалко его. Странно, что человек заслуживает сострадания только при болезни. В итоге, на переключке класса он назвал свое имя, и выдумали новую историю.

Подростки называют его Всемогущим Мстителем. Они придумали легенду. Якобы Дали спустился с небес на золотом облаке. Он умнее всех смертных. Никто не мог понять его взгляд. Зачем? Можно придумать...

Рома решил сочинить сказку о необыкновенном Дали, который знает все на свете и презирает современное поколение, потому что оно не достаточно умно. Дали бессмертен. Он ждет момента, когда сможет отомстить, наказать всех. Поэтому Дали – Всемогущий Мститель. Достаточно немного бездарного воображения – небылица готова.

Все знают эту историю. Они подыгрывают Роме. Никто не подходит к новенькому и не спрашивает, зачем он смотрит в неопределенную даль, почему перевелся именно в эту школу. Какой его любимый цвет, фильм? Сколько у него братьев? Какие книги обожает? Может, вообще не читает? Он на все смог бы ответить. Просто никто не спрашивает. Все идут бараньим стадом следом за рыжим. Они думают, что приписывают Дали статус «изгоя класса». Никто не хочет быть последним в школе по рейтингу, поэтому подыгрывают. Люди зависят от мнения других. Чтобы внимание не перешло к ним, они быстрее выбирают жертву.

– Для Дали это слишком просто. Его надо спрашивать о вещах более глубоких.

– Глубоких? Это как разрез на твоей блузке? – Рома сузил свои хитрые зеленые глазки и начал дико смеяться.

– Нет. Хватит туда смотреть, – раздраженно отвечает Мария.

– Хочу и смотрю. Ты не смотри туда, куда смотрю я. Потом не заметишь моего взгляда, и злость испарится.

– Отстань от меня!

– А что ты сделаешь? Закрасишь своей помадой? – Его дикий смех передается остальным. Вот и сейчас никто не хочет отставать от затейника «жертвоприношения».

– Нет, я пожалуюсь учителю. Хватит выводить меня из себя!

– Я понял. Ты будешь кричать. Хорошее оружие. Ааааа, – изобразил ее крик Рома. У парня получилось громче и писклявее. Продолжить пение не удалось. Сирена замолкла. В класс входит кто? Нет, не Луиза Вадимовна. Как всегда левый учитель, который просит класс убавить звук. Когда она уходит, все возвращается на свои несуразные места. Но...

Эту милую дискуссию прерывает уже Луиза Вадимовна. Когда она открывает дверь, двадцать пуль уже втыкаются в свои места. А бумажки около Дали естественно не исчезают с той же молниеносной скоростью. Вокруг парня образовалось белое море из тетрадных бумажек.

Луиза проходит к рабочему столу, точнее к обычной парте, только своей и нагруженной стопкой тетрадей и книг, осматривает весь класс. На мгновение она задерживает взгляд на Дали. Она видит весь мусор, бумагу, ластик, но ничего не говорит. Женщина молниеносно отводит от него взгляд. словно маленькая девчонка испугалась искусственного динозавра в динопарке. Чтобы отвлечься и отвлечь любопытные хитрые глазки от себя, Луиза начинает вытаскивать из сумки вещи. Это были ручки, множество разных ручек, кажется французские взрослые романы... Что? Она собирается их читать? В школе? Как бы в доме светлых знаний, где ученье – свет, а неученье – тьма? На стол падают корректирующие ленты, замазки, карандашики. Но, что же? Она начинает доставать накладные ногти, две косметички, духи, лак и спрей для волос и много мыльной ерунды типа тоников, кремов и бальзамов с брендовыми названиями. В классе повисла тишина. Зато глаза у всех были широко раскрыты. Похоже на музей восковых фигур. Каждая фигура в своей позе, в определенном репертуаре, только застывшая и из воска. Дали тоже был статуей, но смотревшей постоянно в одну точку и окруженной волнами белой бумаги. В принципе можно сказать, что он был вечной замерзшей статуей. Ничего бы не изменило его положения.

– Извините, но вы хотите оставить все это здесь? – пискнула Мария.

– А Вас что-то не устраивает, леди? – Леди? Серьезно? Она хоть и ведет английский, но это обращение явно не подходит капризной брюнетке.

– Да не обращайтесь на нее внимания. Она просто думает, что самая блатная косметика только у нее. Только теперь у Марии есть конкурентка, – Рома не сдержался, он выпалил все на одном дыхании. Класс знал, что сейчас нужно смеяться, но никто не осмелился. Мария сжала уголки своей парты маленькими ручками, ее щека нервно вздрагивала. Это признак яркой злости. На лбу начинали появляться три морщинки. Парфюм Марии под названием «Злость» тут же расплылся по классу. Ненавистно посмотрев на Рому, брюнетка ничего не сказала. Ей нужно время для великого плана мести.

– Значит, Вы – Мария? – прерывает гробовое напряжение Луиза.

– Да.

– Приятно познакомиться, – равнодушно произносит Луиза Вадимовна.

– Мне тоже. – На самом деле нет. Глупо видеть со стороны классного руководителя соперницу в делах косметических. Мария сама все это понимает, но иголка сомнения колет ее самолюбие.

– Вот и славно.

Казалось, в кабинете повеяло ледяным холодом. Класс превращается в ледовый дворец. Воск начинает твердеть. Скоро все останутся в безвременье. Колючее дыхание зимы пробивается под кожу ребят. Если так пойдет дальше, никто не сможет растопить мрачный айсберг.

– Так, кто отсутствует? – Луиза Вадимовна не любит сложности и неопределенности, поэтому переводит тему. Слишком затянулось молчание.

– Да всё те же. – Рома пытается расслабить класс своим беззаботным голосом. Возможно, единственным солнцем для сосулеч является именно Рома. Невозможно поверить, но он бывает очень полезным.

– Те же? Конкретнее говорите, я в классе тоже новенькая. – Луиза осматривает класс, будто догадывается, кого же нет, хотя это ее первый день в школе. Неужели есть чутье?

- Лебедева и Дальний, – не стерпев, почти прокрикивает Мария.
- Отлично, – словно угадав отсутствующих, победоносно произносит учитель английского языка и классный руководитель 10 «А» класса.

Если летаешь, не смотри вниз

- Слушай, нам точно не попадет за прогул? – смеясь, спрашивает девушка.
- Лия, это же не в первый раз. – Август садится на колючую траву и сгибает по-турецки ноги. – К тому же ты понимаешь все эти глупые уроки.

– Но сегодня первый день, у нас новый учитель, – Лия говорит несерьезно, постоянно улыбаясь и стреляя солнечными лучиками из глаз. – Вдруг она вредина и потом будет держать нас на крючке оставшиеся два года? Не очень хорошая перспектива, да?

- Слушай, ты же со всеми можешь найти общий язык, найдешь и с этой, как там ее?
- Она ведет английский, но имени я не знаю. Вроде новенькая.

Лия усаживается на траву вслед за Августом. Девушка срывает желтый колосок и начинает наматывать на большой палец. Вокруг были одни изумрудные деревья, напоминавшие о жарком лете. Сухая трава не могла быть просто сухой травой. Это напоминало золотой океан со своими обитателями.

- Тебе здесь нравится? Лес, зелень?

– Да, конечно. – Лия не перестает наматывать соломинку вокруг пальца. На мгновение она остановилась, посмотрела на деревья и сказала: – Это место успокаивает.

– Раз тебе здесь нравится, значит и мне. – Август ложится на спину, растянувшись на траве. – Может, расскажешь мне о славных деньках до девятого класса? Мне интересно. Ты никогда не говорила о них. Наверное, ты была такой же забавной.

– Забавной тогда меня точно нельзя было назвать, а вот странной... – Лия пытается вспомнить что-то, но прогоняет мысли. Все в страшном тумане.

– Серьезно? Значит, ты была странной и забавной. Да не может быть, чтобы ты была только странной.

- Ага, как много раз мы произнесли это прилагательное.

Раньше она не раз слышала такие слова в свой адрес: странная, страшная, ненужная, пугливая. Золотой колосок успел превратиться в колечко, которое легко снять или сорвать.

- Ты снова летаешь?

– О чём ты? Я здесь. С тобой, как видишь. – Она резко смотрит на Августа. Лия часто думала о других, посторонних вещах, поэтому Август, обижаясь, говорил, что она летает.

- У тебя другие мысли. Иначе ты бы мне рассказала о тех деньках и...

- Когда-нибудь потом, – также отвлеченно произносит Лия.

- Ну, раз так хочешь.

Август поворачивается налево и начинает пристально смотреть на Лию. Волосы девушки нежно развеивает теплый ветер бабьего лета. Лия подкидывает соломинку вверх, и ее уносит теплым течением ветра. Август, словно зачарованный, не сводит глаз с девушки. Его взгляд исследует каждую клеточку ее тела. Он будто поливает ее лепестками роз, а на самом деле просто смотрит, как она в очередной раз срывает колосок и сооружает колечко.

– Не смотри на меня так, – очень и очень смущаясь, произносит она. Лия даже не смотрела на него. Однако всегда можно почувствовать, когда на тебя пялятся. Бывает приятно, но иногда смущение накрывает с ног до головы.

Вообще для Лии второй вариант по вкусу. Часто в ней просыпалась эта скромница, заснувшая в глубине души. Украшает ли скромность человека или замуровывает в неприглядный свитер... Очевидно одно: у Лии скромность проснулась именно сейчас.

Это так же очевидно, как капелька дождя, разбившаяся вдребезги о нос Августа. Парень вздрогнул, будто проснулся. Хотя вроде и не спал. Всего лишь смотрел на девушку, которая сидит рядом. Какая-то капля способна вернуть человека в состояние рутины. Увы, за следующей каплей обязательно должна последовать и вторая. А вот насчет ливня никто не уверен. Но он начался.

– Я, наверное, слишком засмотрелся на тебя, что даже дождя не заметил. – Спокойно сказал Август, словно каждый день одаривает ее такими розовыми комплиментами. Лие повезло. Ливень спас ее от морщенок смущения на щеках. Она побежала впереди него и старалась не оборачиваться. – Куда ты бежишь?

– Домой! Куда еще? – девушке приходилось кричать и поворачивать голову в его сторону. Барабанная дождевая дробь не унималась и заглушала голос Августа.

– Это все? Романтика закончена?

– У друзей не бывает романтики, – крикнула Лия. Эта фраза эхом пронеслась рядом с Августом. Он лишь ощутил неприятное прикосновение. «У друзей не бывает романтики...»

– Да, у друзей, – прошептал Август. Хотя Лия бы и не услышала. Она убежала всё дальше и дальше, а дождь с большей силой колотил алмазными дождинками.

– Август, пошевеливайся. Я не хочу тащить тебя потом на своих хрупких плечиках!

– Ты так преувеличиваешь. Откуда у тебя столько силенок вообще берется? Ты даже зарядку не делаешь? – Лия услышала это, но предпочла промолчать. Хотела что-то возразить. Засунула подальше свой язык. – Я удивляюсь тебе. А да, точно китайский бокс или как там? Ушу? Не знаю. Мне не нравятся эти твои занятия. Ты же деееевушка, должна быть грациозной и элегантной, как балерина. Или бы танцами занялась.

– Тайский, – прокричала сквозь завесу дождя Лия.

– Что? Я не слышу. Может, остановишься хотя бы, – приходится кричать Августу. Его кроссовки уже насквозь промокли, про верхнюю одежду можно промолчать. Лия все же останавливается.

– Я говорю тайский. Тайский бокс. Что непонятного? – возмущается Лия. Ей и так все говорят, чтобы она бросила этот вид спорта. Как бы друзья должны поддерживать, но Август наоборот излишне волнуется. Или завидует, что она сильнее его.

– Бла, бла, бла, – пародирует Август, весь промокший до ниточки.

– Мне это нравится. Вот тебе нравится глупо шутить, а мне нет. Видишь: разные вкусы. Постоянно искажаешь правильное и единственное название!

– Да не вижу разницы между китайским и тайским. Одна ерунда. Азиаты все на одно лицо.

– Все, хватит.

– И так всегда!

Август кривляется, изображает строгую Лию. Хочет выглядеть непринуждённо, но если окунуться в мир его зелёных глаз, то вряд ли заблудишься в зелени радости. Здесь есть и острова грусти. Что чувствует к ней? К милой девушке, которая стоит рядом с ним под проливным дождем в легкой блузке, с распущенными волосами и травинкой вместо кольца на пальце? Привязанность? Да. Что-то больше? Может. Во всяком случае, он ревновал ее к любому парню. Сам никогда не признается в том, что чувствует. Зарывает свои чувства глубоко в землю неуверенности и страха. Лие же дружбы вполне хватало. Сейчас это был ее лучший друг. Ничто этого не может изменить. Однако жизнь любит переворачивать все с ног на голову.

Они добегают до остановки. Вот чудо-крыша. Встанешь под ней – дождь и каплями не тронет. Именно поэтому муравейник людей нашел здесь свое спасение. Ближе к скамеечкам стоят бабушки с огромными сумками. Их чемоданища горками нагружены на сиденьях. Сами старушки разговаривают о дачах, делах по дому. Бабушка в красном платке постоянно бормо-

чет о том, в каких магазинах дешевле стоит лейка. Какая-то лейка, у которой уже через месяц отвалится ручка.

– Да, да, представляешь я там и купила ету лейку. «Все по 39», ага, представь себе, – говорила она.

– А что ж, я, пожалуй, заскочу туда на днях, – сказала уже бабушка в белом платке. Как вы поняли в моде у бабушек платки. Хотя были и те, у которых весьма модные прически.

– Еще не забудь к Тамаре зайти. Надо спросить, где она купила эти дешевенькие носки на зиму, – бабушка в красном говорила, словно рассказывала тайну жизни.

– Ага, мне тоже так хотелось. Представляешь, ведь у Тамарки-то муженек ушел и не знает, вернется ли.

Теперь в болтовню пошли сплетни. Приготовьтесь, уши посторонних, скоро вы завянете.

– Да ты что? Ой, не говори, я всегда догадывалась о том, что он ходит на стороне, – гордилась бабушка в красном своими знаниями чужих тайн.

Ну да, нет ничего важнее слухов, базаров, дел по дому и все. Они живут только в рутинном мире, не зная, что муж Тамары не бросил ее, а уехал в командировку и скоро приедет домой с путевкой на двоих в Грецию. Да, эта пара точно не хочет быть в центре фальшивых сплетен бабушек. Они решились совершить путешествие, не говоря заранее никому.

Ближе к дождю стоят дети. Они могли бы и кружиться в фонтанах прохладного дождя, но родителям очень нравилось примерять на себя роль экстрасенсов и предсказывать обязательную болезнь детям, если те начнут «дурачиться». Поверьте, этих радужных существ не оставят даже слова настоящих магов. Они сейчас тянутся маленькими ручонками к алмазным кусочкам фольги под названием «ливень».

В центре убежища разноцветная толпа. Цветные куртки, а вот волосы мокрые. Все успели испытать на себе силу непредсказуемой стихии. Было удивительно увидеть в углу женщину с сухими волосами и с ЗОНТИКОМ! Ладно, преувеличение – это не так удивительно. Можно было и в интернете найти прогноз. Даже не удивительно, что почти все, кроме детей и бабушек утыкались в телефоны. Забавно. Даже в дождь они найдут время потыкать пальцами в сенсорный экран.

Лия примкнула к детям. Август успел сесть в автобус и уехать. У него очень редкий маршрут, поэтому просто чудо, что автобус следовал за ним по пятам. Лия пропустила несколько газелей и больших автобусов. Она ждала, пока приедет незагруженная машина. Вот едет огромный автобус, рассекая волны луж. Он даже успел обрызгать какую-то женщину с наполненными пакетами вместо рук. Она обругала водителя и послала его ко всем чертям. Этого ей хватило. Надо было как-то ответить. Не стоять же грязной и мокрой, да еще и молчаливой. Хотя люди пропустили все мысли через себя. Никто же не скажет ей, что она выглядит прескверно. Ситуация произошла, и через секунды ее нет.

Массивные ворота-двери открываются – поток людей пытается втиснуться в двери. Не пройти, а именно втиснуться. Каждый хочет успеть занять тепленькое местечко, поэтому спешка, спешка и еще раз спешка. В общем, рано или на одну секунду позже, остановка опустеет. А где народ? Правильно, все сели именно в этот автобус. Теперь это не машина. Это бутылка, внутри которой люди могут улететь, если сдвинуть пробку. Мест почти не осталось – все хватаются не только за желтые поручни, но и за воздух.

Лие хватило места. Остается только смотреть за окно и думать о совершенно посторонних вещах.

Да, намного лучше глядеть туда, чем внутри автобуса. Сейчас здесь каша. Все вертятся и крутятся, кто-то вздыхает и возмущается, женщина в кепке жаждет ругаться, но начинает с примитивных толканий в спину кондуктора, который не может найти сдачу. Сильные, полные энергии мужчины и парни сидят, раздвинув огромные ноги. Это повелители автобусных сидений, смотрящие за окно. О, кажется, одно место освободилось. А нет, показалось, его тут же

занял мужчина, от которого пахло куревом и еще чем-то противным. Пассажиры невольно отодвигались от него, прилюдно показывая, какой ужасный запах им приходится вдыхать носом. Через две остановки он освобождает место девочке, еле державшейся за поручень.

– Спасибо, – тихое и совершенно робкое благодарение в ответ на этот жест.

Мужчина лишь улыбнулся и кивнул головой. Он протянул конфетку в синей обертке и отошел ближе к выходу. К маленькой девочке наклонилась бабушка и быстро прошептала:

– Не бери эту гадость, мало чего может принести.

Мужчина уже хотел выходить, а на ладони красовалась конфетка. Девочка успела выхватить сладость и спрятать в карман.

– Глупышка, – прошипела бабка.

Время идет – Лия уже проехала три остановки. Секунды летят – автобус давно превратился в черномазого быка. Потом водитель обязательно выведет на этом черном фоне какое-нибудь великое изречение вроде «люби, как жену, гоняй, как тещу». Они по-настоящему ценят свои автобусы.

Многие люди уже вышли из транспорта, площадка опустела.

Черное небо не думает открывать пути для солнечных лучей. Солнце светит и пытается прорезать небо лучами. Они, затерянные во мгле, редко мелькают, разрезая темное полотно.

Лия наблюдает картину и пытается понять, кто выиграет состязание: свет или тьма. Девушка еще не согрелась, хочет спрятать дрожь, которая просто не унимается. Сейчас ее мысли заняты одной чудесной идеей. Лия хочет горячего чая. Прийти домой, укутаться в теплый пушистый плед, а точнее спрятаться в уютной норе. Но подождите: до этого чашка горячего чая будет отчаянно проситься согреть душу.

Не все бабочки умеют летать

– Да, пожалуйста, не могли бы Вы привести того прекрасного желтого мишку? Нет, Вы не правильно поняли: не розового, а желтого. Да, мишку. Большого. Нет, не в одежде повара, – Клара говорит по телефону самым доброжелательным голосом. Так бы подумал человек, у которого вместо глаз были бы розовые леденцы, а вместо ушей – воздушные шарики в форме сердечек. На самом деле Клара в отчаянии: она не может объяснить продавцу, какую игрушку привезти в дом. Девушка нервно ходит по комнате. Трогает каждую вещь, попадающуюся под руку. На полу уже валялись разноцветные карандаши, фантики от конфет с фундуком и прочий цветной бардак. На диване образовалась гора яркой одежды. – Нет, это не то. Да Вы не понимаете. Желтый, блин, медведь. Огромный желтый. Страшный, который мне не нравится, но нравится моей дочке. В вашем магазине был только один большой желтый медведь. Вы или смеетесь, или совсем потеряли свое серое вещество в мозгу. О, да ладно! Вы обижаетесь? Вы, – выделила местоимение, – обижаетесь? Значит, это Вас обидело, Вы это поняли. А ту ерунду с желтым медведем не понимаете? Да идите вы сами в... свой склад игрушек!

– Привет, агрессивная мамочка. – Протопала к шкафу с одеждой Лия.

– Привет, мокрая курица. – Клара бросает на пол единственную вещь в руке – телефон.

– Ууу, зачем так с телефоном? Ты не любишь тыкать в него? Не стоит кидаться своими игрушками.

– Да одна продавщица попалась. Ничего не понимает.

– Может, ты ей не понравилась? Вот она и не хочет помогать? А это бывает очень часто. Я бы на ее месте тоже послала тебя в... куда, склад игрушек?

– Хочешь сказать, мне часто попадаются глупые продавцы?

– Нет, просто ты часто не нравишься людям.

– Ты никогда не скажешь мне ничего доброго. – Клара надулась, как морской еж и подошла к спящей Миле, своей любимой девочке.

Сначала Клара долго колебалась. Она купалась не в сладкой вате, а в миске с горчицей, такой горькой, что не пригодилась бы даже для горчичников. Она хотела отказаться от Милы. Нет, родила бы ее, но не забрала: не была готова к такому ответственному решению. Женя убежал, как только сделал свое дело, на последствия было все равно. Он влюбил ее в себя. Конечно, Клара была далеко не хорошей девочкой. Хотела увести Антона из семьи, но Лия уговорила ее опомниться. Однако, такой «предательский» поступок сильно подпортил самооценку бизнесмена. Неужели кто-то мог ему отказать? Деньги – решение всех бед.

В скором времени ей посчастливилось – она влюбилась всем сердцем. Трепетала при виде Жени, ждала звонка. Клара никогда не ощущала что-то вполнину похожее на это. Увы, их счастью не было суждено превратиться в реальность. Женя оказался великолепным соблазнителем. Он подарил Кларе незабываемые чувства, в то же время, разбив их вдребезги. Антон подкупил Женю, чтоб он только воспользовался девушкой и тотчас же бросил. Но парень сделал больше – ребенка.

Кларе пришлось измениться, повзрослеть. В первый месяц Клара была уверена, что не справится с заботами о ребенке. Каждое утро она просыпалась, забывая, что носит под животом дите, шла в ванную, брала розовую зубную щетку, выталкивала туда мятную пасту и подносила ко рту. И каждый раз замирала. Рука со щеткой начинала дрожать, а глаза смотреть по сторонам в поисках чего-то, что могло вернуть ее к чувствам. Но вернуть ее в реальный мир могла только слезинка, зовущая за собой остальной поток соленой воды из глаз. Тогда зубная щетка падала со звоном в раковину, а Клара опускалась на колени и начинала тихо реветь. Она опиралась спиной о стиральную машинку и вытягивала ноги. Девушка включала кран – ледяная вода мощным потоком разбивалась о ванну, заглушая ее непрерывные рыдания. Кларе казалось, что так она уничтожает жалость к себе. Именно сейчас перед опухшим от слез лицом всплывал образ того самого Жени, в которого так по-детски была влюблена Клара. Голубые, как озеро, глаза. Улыбка, заставляющая Клару превращаться в наисчастливейшее существо на планете. А как она скучала по его сладким поцелуям. На полу, рядом с ней уже образовались мокрые места от слез. Розовый голый кафель был полностью в соленой воде. Можно запускать бумажные кораблики, не дожидаясь весенних ручейков. Вода, лившаяся из крана, предательски заполняла всю ванну. Клара окунала распухшее лицо в пространство, заполненное водой, и просыпалась.

Всегда повторяла одну и ту же фразу: «почему так больно?» Затем снова начинала рыдать по второму кругу. Она брала в ладони воду и резкими движениями бросала в себя. Клара царапала лицо жестким полотенцем, оставляя красные следы.

От него остались одни воспоминания и малыш под сердцем. Даже, если Кларе так хотелось снова утонуть в его голубых глазах, почувствовать ту смущенность на скамейке при поцелуе, она не приняла бы его снова. Так было разбито сердце, что не хотелось сладкой боли снова. Она запомнила, как он целовал ее: медленно и нежно, а затем страсть ослепляла все существо. Она слышала, как он говорит, что любит ее. Как можно врать по этому поводу? И резко Клара понимает, что все было фальшивкой. Ее не любили. Никогда. Никто. Она придумала сказку и сама же в нее верила.

В следующие месяцы Лия пыталась всеми силами убедить оставить ребенка. Она слышала тихий плач сестры. Что до родителей, то они, не зная Жени, всем своим сердцем ненавидели парня. София каждый день придумывала новые лакомства специально для Клары. Отец покупал мягкие игрушки, розовую или синюю одежду для маленьких и говорил: «Мы справимся. У малыша будет отличный дедушка, а со временем, и папа появится. Ты у нас девушка порядочная, да к тому же и красотка». Эти подбадривания были забавными и очень милыми, но не могли переубедить Клару. А родителям так не хотелось отказываться от внука.

Однажды Лия повела Клару на улицу. Это было в июле, когда все горит и светится. Звезды на пике своего блеска, а ночь согревает романтикой. Они сели на деревянную скамейку.

– Что ты хочешь мне показать? – нетерпеливо спрашивает Клара. Она не хотела идти на улицу, предпочитая сидеть дома и читать модные журналы.

– Ребенку нужен свежий воздух, – Лия сказал это быстро, не смотря на Клару и явно что-то ища. Будущую мамочку же это задело. Она расширенными глазами посмотрела на сестренку. Еще немного, глазные яблоки бы лопнули.

– Я не собираюсь его воспитывать, – прошипела, как змея.

– Помнится мне: ты говорила, что оставишь ребенка, что это плод любви, остальная белиберда, розовые сопли. Где эти обещания?

– Ну, раз ерунда, то зачем выполнять?

– Обещания нужно сдерживать. Иначе это пустой звон.

– Во-первых, я обещала, что только оставлю его, то есть рожу и все. Дальше уже не моя забота. Во-вторых, да я подумывала над тем, чтобы воспитывать его, но нет, не проси. Я потеряю всю свою красоту, нервы и богатых парней.

– Да уж. Но чудеса есть!

– Я хотя бы сказок на ночь не читаю, чтоб в этих чудесах жить.

– Я хотя бы что-то читаю.

– Уж какая я есть, извини.

– Пока ты застряла. Я помогу тебе найти себя, – Лия была уверена в своих словах.

– Ничего не буду делать, – глупо упрямылась Клара.

– Я думала, ты изменилась. – Лия все еще не смотрела на сестру. Рассматривала детскую площадку, искала что-то определенное. – Смотри! Видишь: на песочнице играет девочка с лопатками, грабельками и кучей цветных игрушек. Она счастлива. И посмотри на других детей рядом с ней. Они тоже счастливы.

– Что ты хочешь этим сказать? Дети ничего не знают. Им ничего не нужно кроме игрушек. Всем детям так. Зачем мне существо, каждую ночь ревущее и каждый день просящее играть с ним? Твои аргументы очень слабы. – В Кларе проснулся пессимист.

– О чём ты? Ты не знаешь ничего и так просто говоришь глупости.

– А ты что-то знаешь? Как ты можешь учить человека, который старше тебя на десять лет?! Я больше тебя знаю. А ты только в школу ходишь и на свой китайский бокс.

– Тайский, но не суть. Сейчас пока о тебе речь идет.

– Почему думаешь, что я стану тебя слушать?

– Да потому что я всегда понимала тебя. Сейчас происходит то же самое. Кто, если не я? – Лия посмотрела на сестру и несколько секунд не отводила взгляд.

– Мне смешно.

– У всех есть трудности. Как ты не понимаешь. Не ты одна мученица.

– Ладно-ладно. – Клара будто что-то вспомнила. Очень полезно иногда перематывать кадры своей жизни или воспоминания других людей. Сейчас она вспомнила уезд Розы и Марка в Израиль, который оставил дыру в сердце Лии.

– Посмотри в сторону качелей.

На них каталась маленькая девочка. На вид ей было лет пять. Ее волосы растрепаны, лицо измазано цветными мелками. Фиолетовые колготки порваны в нескольких местах. В руках единственная игрушка – золотой ключик. Она пыталась сильно раскачаться на качелях, но сил хватило только на каких-то пол метра.

– Что это? Девочка. – Клара пыталась показать равнодушие, но любопытство брало верх.

– Подойдем к ней? – Лия спросила это, не спрашивая. Она просто взяла за руку сестру и повела к той малышке.

– Что... что ты делаешь? – шепотом спрашивала Клара. – На нас же смотрят.

- Ну и что с того? Пусть смотрят за своими детьми, а мы будем заниматься делами.
- А это... что, о чем с ней говорить? Я не представляю. Стой, Ли... куда ты меня тащишь? Поздно, они уже около качелей, которые не могут взмыть ввысь из-за слабой девочки.

Лия подошла поближе и задала дружелюбным голосом шаблонный вопрос:

- Привет, как тебя зовут?
- Привет, я Бабочка, – солнечно улыбаясь, пролепетала малышка.
- Отлично, Бабочка, я – Лия. А вот эта тетенька с арбузом вместо живота – Клара. Правда пока его нет, но обязательно будет. – Клара растерянно посмотрела на Лию. – Хочешь, я тебя раскачаю? Ты же Бабочка. Ты должна взлетать высоко-высоко.
- Хочу.
- Тогда полетели, а Клара может поболтать с тобой.
- Холосо. – Бабочка продолжала улыбаться.
- Эээ, сколько тебе лет? – Единственное, что пришло в голову Кларе. Бабочка показала семь пальцев. – О, а ты взрослая. Ну, хорошо, а где твои родители?
- Не знаю. Навелное, пьют оланжевый сок.
- Оранжевый сок? – переспросила удивленно Клара. Это апельсиновый сок?
- Ну, я не знаю, что это такое. Я плобовала, и мне не понлавилось. Плотивная жижа. Им это нлавится. Не знаю, почему. А я люблю здесь летать на качельках.
- Даже так... – прошептала про себя Клара и внимательнее начала разглядывать Бабочку. – А что это у тебя за ключик?
- О, это моя иглушка. Этот ключик подходит ко всем двелям. Когда я плосила купить мне иглушку у мамы с папой, они блосили мне это. Я так обладовалась. Ни у кого нет такого ключика, котолый откльывает все двели. Только у меня.
- Клара осмотрелась. Да, такого ключа ни у кого не было. У всех детей куклы, плюшевые игрушки, чайные наборы, наборы врачей. Родители приходят сюда, на игровую площадку, вооружившись огромными пакетами с различными вещами. И, конечно, в кармане каждого родителя есть ключ от квартиры, машины, чего угодно. У Бабочки же был ключ от всего.
- Почему ты здесь одна? – Клара хотела знать больше о незнакомке. Лия в это время раскачивала Бабочку, внимательно наблюдая за сестрой. Лия не вмешивалась в их диалог.
- Нууу, мне так хотелось иглать на солнышке... Я каждый день сюда плихожу.
- Твои родители дома?
- Они всегда дома. Только не иглают со мной. Ко мне плиходит бабушка. Она доблая и смешная.
- Интересно.

По дороге домой сестры молчали. Клара думала о Бабочке. В голове у девушки происходили детективные процессы.

- Давно она катается там, на качелях? – спрашивает Клара.
- Каждый день.
- И ты каждый день за ней следила?
- Нет. Наблюдала. Почему ты предполагаешь сразу худшее?
- И, что ты хотела мне этим сказать?
- Я не хочу, чтобы моя племянница также печально играла одна. – Лия остановилась и уставилась допытывающимися глазами на Клару.
- Что такого в Бабочке? Обычный ребенок. Радуется игрушкам, как и все дети. Ничего не нужно.
- Ты же понимаешь, что она одна. Покинута всеми.

– Всякое случается. Все с ней нормально, у нее есть бесплатное приложение – бабушка. – Клара невольно обернулась назад и увидела на тех же качелях Бабочку. Девочка помахала своей маленькой ручкой и улыбнулась. Девушка ускорила свой шаг, хватая за руку Лию.

– Совесть грызет?

– Нет. Просто не могу понять, как ей не надоедает все время кататься на одних и тех же каруселях.

– Расти без матери – это ужасно. Представь, если бы наша мама отказалась от нас. – Эти слова как-то странно подействовали на Клару. Она вздрогнула, случайно дотронувшись рукой до сестренки. Лия не обратила внимания. – Мы были бы совсем одни. И Бабочка одна. Твой ребенок может оказаться в такой ситуации. Я перестану тебя уважать после этого.

– А ты меня до этого уважала? – Клару действительно удивило признание сестры. Лия не смогла ответить на вопрос, возразить или оправдаться, или, что там делают в такой неловкой ситуации? Даже звук не последовал из ее маленького рта. – Понятно. – Это слово кануло в призрачную неловкость, скорее в неизвестность. Можно было не говорить этого слова. Оно словно не было произнесено, но смогло утонуть в безвременье. – Ведь моего ребенка можно будет отдать в хорошую семью, – уже совсем неуверенно предполагала будущее своему чаду Клара. Ее голос ослабевал, теряя твердые и сильные нотки.

– Родителям Бабочки все равно на нее. Я никогда не видела их вместе. Более того, вчера я была у нее в квартире. Представляешь? Бабочка меня впустила. Я притворилась почтальоном. В комнате валялись какие-то люди. От них к великому сожалению несло алкоголем. Помещение грязное и пыльное.

– Что? Родителям все равно? И как ты додумалась притвориться почтальоном? На тебя не очень похоже.

– Роза научила, – привычным голосом произнесла Лия и сразу смолкла. Как будто сказала что-то запретное.

– Прости.

– Не извиняйся.

– Хорошо... – Клара думает, как же перевести разговор на другую тему. Тема как раз таки есть, но волнение колючим комом душило Клару. Сейчас она словно каталась на качелях, боясь каждого взлета. – Тогда больше информации о Бабочке.

– Подожди. Думаешь, смогу все так подробно рассказать и описать. Поверь, все не так легко.

– Ты уж постарайся. Ты все начала, ты и должна закончить. Ей семь лет. Она выглядит на четыре.

– А у тебя проснулся материнский инстинкт? Что, совесть мучает? – Сарказм Лии никогда не бывает лишним, но здесь она перегнула палку на пять сантиметров.

– Да, так и есть. – Клара поняла, что совесть у нее существует. Не живет, но существует же.

– Я спросила у бабушки-соседки. Она сказала, что семь лет назад девочку подбросили к этой двери, к одной счастливой паре.

– Интересно, что случилось потом, – недоумевала Клара. Еще в придачу подняла руки вверх, словно моля Бога о помощи, но ей пришлось их быстро отпустить, так как наглые жирные голуби пролетали именно около ее рук и могли врезаться.

– Они умерли, – помрачнела Лия.

Даже голуби утихли со своими полетами. Клара дернула Лию за локон светлых волос и удивленно произнесла:

– Кто тогда *эти* люди?

– Родственнички, – недовольно фыркнула Лия. Она тряхнула волосами и продолжила рассказывать историю. – Сначала думали, что смогут о ней позаботиться, но банкротство их фирмы взяло верх. Конец сказке.

– Дурацкие сказки.

– Страшные сказки...

– И что, на фирме свет клином сошелся? Зачем себя в бомжей превращать? Бабочку ещё взяли себе. Можно же что-то сделать? Я права? Лия? – Клара была настроена серьезно. Даже шаги стали тверже, а руки поднимались все выше и выше. Голуби сами отлетали от таких волн. Как всегда она спрашивала совета у сестренки.

– Подожди пока. Лезешь не в свое дело.

Над Лией будто плыла черная туча. Она задумалась о Бабочке. О том, что она напоминает ей Розу. Жизнерадостный и яркий цветок, для которого неважно с какой стороны солнце светит ярче. Цветок сам ищет лучи и не сдаётся. Возможно, солнечных дней давно нет, небо очернилось мрачными красками, тучи не хотят освободить даже крошечного пространства золотым лучикам. Цветок все равно светится, пронзая вечную тьму обжигающими искрами.

– Так ты меня в это дело и втащила.

Прошло несколько дней. Лия больше не слышала тихих рыданий сестры в ванной. Она даже не успевала отпрыгнуть от двери, настолько быстро выходила Клара. Когда прошла неделя, именно за обедом случилось то, чего ожидала Лия, но боялась делать поспешных выводов. Вдруг снова последовало бы разочарование.

Как всегда на столе, покрытом белой скатертью, красовались ароматные блюда, более того, красивые. Пирожки с яблоками, фруктовый салат, торт, покрытый шоколадом. София бежит из одного угла кухни в другой, размахивая вафельным полотенцем и поправляя фартук. В принципе ничего нового. Она каждый завтрак, обед и ужин превращала в пиршество. Будто ждала важных гостей голубой крови. Стас, как всегда, в пиджаке и с портфелем в руках, заходит на кухню, но тут же уходит. Почти каждый раз он забывает помыть руки. Переодеваться в домашнюю одежду ему лень, он слишком устал. Законное место за столом занято. Лия врывается на кухню, опрокидывая табурет, на котором лежал телефон отца. Слава Богу, она ловит его рукой. Лия сразу замечает на себе разочарованный взгляд Стаса, но облегченно вздыхает: телефон же спасен. Хотя, ничего бы с этой клавиатурной коробкой не случилось.

Иногда родители без причины хотят накричать на детей. Или из-за ерунды, крошечной мелочи, недостойного пустяка. Может, родителям хочется выпустить пар именно на детях. В любом случае от замечания Лию никто не освобождал. Стас серьезно произнес:

– Ты когда-нибудь повзрослеешь? А если бы там вместо телефона стояла ваза?

– Я бы и ее поймала. – Улыбалась Лия и поправляла свои волосы, которые неуклюже висели перед носом. Лебедева постоянно получала замечания от отца, привыкла к его негодованиям.

– Если бы не поймала? – Стас настойчиво продолжал.

Лия лишь вздохнула, поставила шумно телефон на стол, якобы делая знак, что табурет не место для гаджета.

– Милый, все же в порядке. Лия ничего не сломала, ничего не потеряла. Все хорошо, все счастливы.

– Будет что-то существенное? – Он повернулся на 180 градусов к Софии, чтобы узнать. Ему не хотелось спорить с женой.

– Подожди, дорогой. – Все еще бежит София.

– Тут, на столе, одна сладость.

– Да что это с тобой, потерпи немного. Голубцы на подходе.

– А, ну ради них я готов и подождать.

Стас начал копаться в телефоне. Клара неторопливо села возле отца. Как привидение. Правда, от призраков у людей мурашки по коже, а волосы дыбом встают, но Стас ласково погладил старшую дочь по волосам, не отвлекаясь от телефона. Лия лишь изобразила презрительную усмешку на лице.

– Вот теперь все в сборе. Накладываю каждому в красивую тарелку, – София, словно сказку в детском саду рассказывала. Медленно, выразительно и непрерывно.

Стасу посчастливилось получить четыре голубца. Лия всегда просила два, так как она не в состоянии съесть так много, ей нужно экономить место в животе для остальных вкусностей. Клара предпочитала такую же порцию. Однако она добавила:

– Мне три штуки, пожалуйста. Мама, я же не одна, Мила тоже просит.

Лия остановила ложку около своего открытого рта. Стас оторвался от телефона и уставился на дочь. София выронила вафельное полотенце. Клара же спокойно начала трапезничать, делая вид, что вовсе не заметила остановку времени. Лия решила убрать свою ложку, сломав замерзшую систему и произнесла:

– Клар, ты сказала Мила?

– Да, тут что-то непонятно?

– Да, знаешь, мы же только что узнали имя...

– Надеюсь, девочка будет. Не представляю, как общаться с несносными мальчишками. С ними я точно не справлюсь.

– У нас будет внучка, ты слышишь, Стасик, у нас будет внучка. – София подошла к мужу и обняла его. Он начал улыбаться, а это редко случалось. Лия же облегченно вздохнула. Знала, что рано или поздно Клара придет к такому решению.

Клара не показала никаких чувств. Словно так и должно было быть. Ей не хотелось быть в центре внимания.

Неожиданные крылья

Что касается Бабочки, то это очень странная история. Клара каждый день приходила к качелям. Сначала лишь следила за старательными движениями Бабочки раскачаться, а затем подходила ближе и ближе. В итоге она сама стала катать девочку, чтобы та немного распустила свои крылышки. Бабочке нравилось такое внимание. Клара просто была рядом. В нескольких сантиметрах от Бабочки. Они привязались. Конечно, к удивительным людям притягиваются многие. Если эти удивительные люди еще и богаты. Да, тогда проблем не будет. Но Бабочка была замечательной без золотых фантиков. Когда Клара засунула в крошечную ручку Бабочки 500-рублевую купюру, малышка засмеялась и обрисовала эту бумажку насекомыми и цветами. Девушка даже не удивилась. Странно, да? Человек, делавший многое ради денег, вдруг, искренне посмеялся над ними.

Чтобы Бабочка больше ела, Клара таскала ее по магазинам и сама покупала продукты. Они заходили в гипермаркет. Бабочка бежала, как пингвиненок. Это точно не полет. Но так быстро. Малышка подбегала к полкам со сладостями. Все напоминало волшебную сказку: огромные желтые и красные леденцы на палочках, шоколадные помадки, напоминающие маленькие шурупы, на вкус, как сладкий тающий снег. Слева мармелад. Нет, но почему все так любят мармелад? Это же резина с неудачно подобранным вкусом какого-то фрукта. Зато он яркий и покрытый сахаром. А вот чудеснейшие пончики с банановой начинкой, обсыпанные сверху цветными шариками и кокосовой стружкой. Сейчас можно вспомнить обезьян, банановых гурманов, которые могли бы лопать эти пирожные целыми днями. Боже, вон прозрачные ящички с жевательными конфетами, червячками и карамельками. Лучше вообще не смотреть на Сладкую страну, засосет тебя полностью в свои дебри.

Бабочка окуналась в мир сладкой ваты и воздушного шоколада. Она могла бы просить постоянно сладости. Однако все не так. Это же необычный ребенок. Она обязательно просила купить ей один банановый пончик и одну свечку. Всё. Ее легендарный каприз заключался в одном пончике и в одной свечке.

Это сладкое счастье оведало любовью и саму Клару. Жени нет. Рядом только Бабочка и ее ребенок в животике. Дни, полные слез испарились, словно солнце иссушило грязные лужицы. Вечером Клара строила планы: пойти с Бабочкой в парк или укутаться в пледик и смотреть мультики, хрустя сырными шариками во рту. Клару волновало лишь то, понравится ли день Бабочке? Охваченная радужными заботами, она светилась звездным небом. Лия радовалась не хуже сестры. Сестренка подсказывала новые развлечения и покупала больше сладостей. В квартире, словно уже родился ребенок, которому нет и трех месяцев. В зале пахло апельсиновыми кексами, а если зайти в комнату Клары, то можно утонуть в морях цветной бумаги и картона. Можно не говорить о том, что сладостей здесь было больше, чем муравьев в их же собственном муравейнике.

Вечером, когда солнце не пекло головы, Клара и Бабочка выходили во двор. Небо окрашивалось в розовые, желтые и оранжевые тона. Можно легко поверить в то, что огромный Великан появился специально для того, чтобы не раскрасить небо красками, а просто облить небесное покрывало соками цитрусовых фруктов. Именно под таким небом здорово сидеть на колючей ярко-зеленой траве и плести венки из ярких одуванчиков. И смеяться. Смеяться, будто это твой последний день, когда ты можешь так себя вести. Словно, если ты скроешь улыбку, то потеряешься в бездне и не найдешь пути обратно. Поэтому, ты должен только смеяться. Смех, как жизнь. Ты – супергерой, важной сверхспособностью которого является способность жить.

Родители Клары не могли поверить в выздоровление дочери. Они не были против нового члена семьи. Правда, отец сомневался. Он хотел поговорить с Klarой, но не решался разрушить ее счастье. Это лучше, чем те дождливые дни. Намного. Отец желал только счастья своей дочери – остальное уже никак не важно.

Лия пыталась серьезно говорить на эту тему, но сестра только отходила дальше и дальше от нее. Она закрывала глаза на предосторожности, на неизвестность. Каждый день Бабочка была с ней. Этого достаточно. Зачем лишние подробности жизни? Может, Клара думала только о себе? Поэтому не видела реальных проблем?

Но в один день все прояснилось. Шутка. Это даже черный юмор. Ничего не прояснилось. Стало еще хуже. В магазине Бабочка снова попросила один пончик и свечку желтого цвета. Все произошло быстро, но так болезненно.

– И все? Серьезно? Ты точно ничего не хочешь? – разочарованно спросила Клара.

– А лазве это не много? – невинно спросила Бабочка, будто действительно огромный дар иметь сладость наподобие этой.

– Ну как бы, знаешь, это очень мало. Ты же голодна, скорее всего. – Клара хотела уговорить девочку.

– Мне всего хватает! Ты что? – ангельски пролепетала девочка.

– С тобой дома родители хорошо обращаются? – вдруг задала вопрос Клара. Очень в тему, кстати говоря. Она всегда избегала таких вопросов, и внезапно решила коснуться этих тем. Клара поняла свою ошибку, но хотела знать сущую правду.

– Конечно. Они мои родители. Я их люблю. – Как-то очень быстро среагировала Бабочка.

– Да, конечно. Но ты уверена? – Зачем Клара решила продолжить этот сложный вопрос. Им же и так хорошо. Что-то тянуло Клару в сторону болота правды. Истерический звон гремел внутри будущей мамочки.

– Я никогда не влу, – по-взрослому ответила Бабочка.

– Тогда скажи свое имя, день рождения и еще кое-что. Я вообще ничего не знаю про тебя. Почему ты всегда улыбаешься? – Девушку бесила искренняя радость малышки, потому что невозможно. Неправда. Маска. Малышке весело с ней, но как она себя чувствует с «недородителями?» Здесь же нечисто. Клару мучило множество вопросов. Именно сейчас она хотела превратиться в крота, копающего норы в неизвестные стороны.

Что сделала Бабочка в ответ? Снова рот до ушей, ряд снежных зубок и глаза с блестящим солнцем. Она не умеет расстраиваться? Плакать? Хотя бы закрывать свой улыбочивый рот? Клара не переставала думать о том, что Бабочка не знает других эмоций. Здорово, когда тебе радостно. Паршиво, когда радость обернута в продырявленную или мятую фольгу фальшивки.

– Я же Бабочка. У меня нет других имен. А день лождения... я не знаю. Навелное, каждый день. И я люблю улыбаться. Я люблю ладугу, солнечных зайчиков и все самое веселое. Дождик пусть льет в других местах. Не надо тут силой земли.

– Да как? Зачем опять так улыбаешься? Меня скоро начнет мутить от этого. Я же знаю, что твои родители плохо с тобой поступают... – Клара замерла, выстрелив взглядом именно в руки Бабочке. Ледяной ужас поселился в глазах Клары. – Что это? Что за синяки? Это точно твои родители! Не надо тут врать. Ты их боишься. Ведь, правда же, боишься?

– Клала, не надо. Я в полядке.

Клара не слушала. Ее сердце стучало, как стучал бы заяц своей лапкой в приступе бешенства. Эту барабанную дробь можно было услышать, но кого обманывать, это преувеличение. Клара сама дрожала. Она покрылась гусиной кожей, ногти посинели. Клара превратилась в смурфика? Или в Снежную Королеву? От неё точно исходило мертвенной холодностью. Она также походила на призрака. Вся бесцветная, как полиэтиленовый мешочек, но внутри у нее не пустота, а звон будильника, который хочет разбудить правду, но тщетно: правда игнорирует присутствие звона.

Бабочка не только проигнорировала. Она убежала, оставив Клару в недоумении. А девушка не бросилась за малышкой: удивление подавило все ее чувства. Она хотела спасти Бабочку, но поняла, что лишняя для этого. Это не ее дело. Хорошо. Ее просто бросили в замешательстве. Девушку с арбузом вместо живота бросила Бабочка. Она легко упорхала, не оставив даже пончика. Клара думала только о темных синяках малышки.

Бабочка что-то скрывала. Не только она. Никто не открывал правду. Все прятались за темной стороной лживой жизни. Фальшивые серые шторы не хотели сдирать с окон. Никто не слушал правду. Она не музыка для их ушей, а жужжание смертоносной осы.

А что случилось с этим месяцем? Месяцем, когда Клара влюбилась полностью в Бабочку? Этот ребенок не мог просто оставить ее. Одну. Как же их походы в магазин? Традиционный банановый пончик? Невозможно забыть венков из желтых одуванчиков, милого невыговаривания буквы «р», сиделок в квартире и бесконечной улыбки.

Клара искала утешения. Оно было в Бабочке. Да, Лия и Клара не знали даже имени малышки, недоумевали, кто ее родители. Но Клара полюбила ее. За наивную детскую улыбку, веру в чудо. Магия существует, если рядом порхает Бабочка.

Сейчас. А что сейчас? Клара приходила на детскую площадку и смотрела на качели. Теперь так пусто. Глядела туда, пыталась представить Бабочку, но ничего не видела. Она будто была там, но это всего лишь ветер, который хотел обмануть ее. Даже природа смеялась над Кларой. Все было против нее. Клара садилась на скамейку, смотрела на призрачные качели. Бабочка бросила ее, как когда-то Женя. Они оба влюбили Клару в себя. Как много похожих людей...

– Она...это правда... – Лия села рядом с сестрой. Сейчас она хотела как-то успокоить сестру. Это так редко происходило. Они нуждались друг в друге. И они знали это, хотя и скрывали в каждом своем действии.

– Да, наверное... – Слова уплывали, голос становился беззвучнее.

– Прости.

– За что, – также тихо произнесла Клара, даже без интонации вопроса.

– За то, что познакомила с ней...

– Хах, ты... ты не виновата. Я сама привязалась. Ты не преступник, не парься. Я в порядке.

Лия знала: ничего не в порядке. Клара создавала иллюзию, что могла быть сильной. Она потеряла возлюбленного, а потом Бабочку. Теперь ничего не оставалось, как все выдержать и успокоиться: впереди самое лучшее. Впереди *ее* ребенок. Уже именно ее, который не оставит в одиночестве. Не уйдет без объяснений и извинений. Клара так остро ощутила боль потерь, ей больше не хотелось оставаться одной, хоть что-то должно было утешить ее раздробленное сердце.

– Нет, в этом есть моя вина. Не спорь.

– Хорошо. Признаю. В этом есть твоя вина. – В первый раз в жизни, Клара не хотела спорить. Согласилась с реальностью. Может, сдалась.

– Прости. Еще раз.

– Достаточно извинений. Я поняла твои намерения. Ты хочешь поступить правильно. Я ценю это. Но это не поможет. Твои *извинения* не помогут. Пустые слова. Цепочка букв не поможет мне забыть.

– Я ходила к ней домой... – Лия сказала это очень осторожно. Ей казалось, что она может разбить стеклянную вазу, стоящую на краю стола. А ведь все правильно. После этих слов Клара повернулась к Лие, и в глазах можно было прочесть только отчаяние с примесью надежды. Сомнительное сочетание, но именно оно сейчас передавало выражение глаз старшей сестры. Каждая клеточка тела заработала, забарабанила, задрожала и зазвенела.

– Что? Говори. Не молчи! – ее убитый голос превращался в настоящий гневный призыв.

– Успокойся сначала. Я пытаюсь как лучше.

– Если хочешь как лучше, не тяни! Это лучше бестолковых извинений.

– Хорошо-хорошо. Когда я пришла туда, там никого не было, – Лия произнесла последние слова очень быстро, но четко, чтобы скорее покончить с новостью.

– Как? Совсем не было? Я... я... – Горячая соленая жидкость начала туманить взор Клары. К горлу подступал огромный ком. Если бы она была алмазом, то разбилась бы вдребезги. Понимаете, наверное, когда ты окончательно теряешь всякую надежду, умираешь в одиночестве, в мире разочарования. Твоя любовь разбилась, превратилась в черный пепел и развеялась над бескрайним океаном. Клара не хотела такого исхода. Она даже хотела удочерить ее! Да! Можно было и догадаться! Она хотела каждый день видеть доверчивую улыбку. Вместе наедаться всякой вредной едой и лежать на полу с набитыми животами. А потом бы и родился малыш. Тогда Бабочке не было бы скучно. Все совсем не так, как хотела Клара. Пустые мечты. Не тот план.

– Я пришла. Дверь открыта. Внутри никого не было. Пустота. Даже обоев. Это так мрачно. Это все, что я увидела.

– Я должна увидеть это своими глазами. Сама! Долго я откладывала серьезности. Теперь пора взрослеть окончательно.

Лия в точности не понимала намерений сестры. Фраза Клары казалась несусветной чушью, вырвавшейся из губ младенца. Но в этом было что-то вызывающее, что-то смелое и отважное. Поэтому Лия решила довериться ей. Единственное, что она могла сделать сейчас.

Это была пятиэтажка, затерянная в грязных дворах. Пыльные дороги, на которых нет гладкого места. Кочки такие огромные, что думаешь, а не ворота ли это в царство великанов? Дома большие и мрачные, в окнах, кажется, никогда не загорит свет. Серые кирпичи кажутся сломанным конструктором, который вот-вот рухнет.

На колючих ветках деревьев висят грязные штаны. Так тихо, что даже перекасти-поле не осмелится появиться на улицах. Это как ехать по пустому Дому Ужасов, в котором не выскакивают окровавленные манекены с топорами в руках. Просто едешь в ржавом вагончике, а вокруг одна темнота.

Лия и Клара зашли в подъезд. Можно не описывать запах алкоголя, так резко убивающий представления об ароматах, потому что все и так ужасно и страшно. Также можно умолчать о бутылках, стоявших горочкой в углу, шприцах.

А в квартиру дверь открыта. Заходишь туда и сразу видишь людей, спящих в уголке, мирно посапывающих, видящих сладкие сны.

– Ты хочешь зайти прямо вглубь? – удивленно спросила Лия. Она бы никогда не подумала, что Клара способна ввязаться в такую ситуацию.

– А ты как думаешь?

– Ты же разрушишь их мирный сон.

– Да они напились, вот и дрыхнут. – Клара показала кривую ухмылку на лице. Ей сразу не понравилось в этом районе.

– Тогда я пойду первой.

– Ты мне не мама. Я взрослее тебя.

– У тебя ребенок. Мало ли что. Мне следует пойти вперед.

– Да перестань. – Клара отодвинула в сторону сестренку, но Лия была проворнее и проскользнула вперед.

– Иди и посмотри туда. – Лия показала указательным пальцем в сторону стены.

Клара подошла к голой стене. Вокруг были разбросаны свечки. Те самые, которые Клара покупала Бабочке почти каждый день. Рядом лежали рисунки с изображениями котиков и цветов. Да, почерк Бабочки Клара всегда узнает. Ее кривые, но уверенные линии.

Клара стояла растерянная и грустная. Плакать надоело. Наверное, слезы закончились. Хватит рыдать, пора действовать. Клара восприняла это в прямом смысле: подбежала к спящим людям и начала настойчиво будить их. В глазах была ярость, которая в первый раз украсила ее личико. Честно, было немного забавно. Нет, нельзя над этим шутить. Разъяренной женщине под руку лучше не попадаться, а точнее под ногу.

– Щас на ноги наступлю! – кричала Клара. Она произносила слова, будто кричала заклинание против Сатаны. Столько эмоций вкладывала в это проклятье. Вроде странные слова, но производили устрашающее впечатление на впавших в спячку людей.

– Клара, что ты творишь? – Лия сама немного испугалась крика сестры. Так было неожиданно. Казалось: в Клару вселился дьявол.

– Не мешай, – прошипела сестра, – эти уроды расскажут мне сейчас все.

Мужчина успел проснуться, но он не понимал, что творит странная женщина в их доме. Почему она кричит, а рядом бегают какая-то девчонка и пытается успокоить сумасшедшую.

– АААААА, – пробасил мужик.

– Аааа, – испугалась Клара. Она не видела, что он проснулся.

– Женщины, – голосом оратора произносил мужик. У него вдохновение говорить подобием властного человека? Он медленно встал, шатаясь на ходу, – вы, осмелюсь спросить, кто такие?

– Где Бабочка? – Клара не унималась.

– Вы, наверное, немного умом тронулись. Здесь не летают бабочки. Какие бабочки, даже мух нет. Где им место, позвольте спросить? Мы их сразу пришибем.

– Придунок, где девчонка? – Клара расширила глаза. Думала, что выглядит устрашающе. Но это не казалось пугающим, может, немного забавным и в то же время глупым с примесью бзика, но никак не пугающим.

– Какая?

– Они про ту говорят. Эту... я тебе отвечаю. – Тут проснулась женщина. И как девочек угораздило здесь оказаться? В этом бардаке, бараке невезения.

– Быстро сказали про нее! – голос Клары хоть был и свирепым, но писклявые нотки тоже звучали. Да никто не слушал ее криков. Лицо было намного страшнее. Глаза стали черными, кулаки сжались, зубы стиснулись. Взлохмаченные светлые волосы превратились в горящий стог сена.

– Блин, да что бабочка, бабочка. Ну, была девчонка маленькая. Ходила тут со свечками. Откуда-то находила пончики, – все это женщина говорила небрежно, поэтому терпение Клары просто исчезло.

– Это же ваша дочка приемная, – вмешалась Лия.

– Ее бабка увезла, успокойтесь. Приемная? Она же та еще актрисулька. Мы вообще ни при чем.

– Быстро говорите правду! Иначе я вызываю полицию! – Клара достала из сумочки телефон для подтверждения сказанного. Видно не судьба. Клара схватилась за живот. Она присела на холодный пол, обессилев. Вся побледнела, губы посинели.

– Клара, что с тобой? – Лия приблизилась к сестре.

– Скорую, вызови скорую, – прошептала Клара.

Успокоение

Как Вы уже догадались: Кларе не удалось докопаться до истины. Скорая приехала слишком быстро. У девушки не было сил говорить. Клара отчетливо видела: мужчина и женщина убегали из квартиры. Лия не остановила их, была поглощена заботами о старшей сестре. Не могла сестренка думать об исчезнувшей Бабочке. То, что происходило именно в ту секунду, именно с родной сестрой волновало ее намного больше. Остальное имело второстепенное значение.

Люди из страшной квартиры скрылись и больше не появлялись. В глубине души Клара знала, что все идет к лучшему. Пора перестать думать о других. Пора вспомнить о своем. О ребенке. Слишком много переживаний свалилось на голову. От Бабочки осталась лишь свечка. Клара бережно завернула атрибут тортика в желтую бумагу и спрятала далеко-далеко, в маленькую коробочку, находящуюся в комнате Лии. Сестра не хотела вспоминать о девочке, так жестоко сбежавшей.

Конечно, Клара могла бы обратиться в полицию. Что бы она тогда там сказала? Девочка по имени Бабочка исчезла? Лия уговорила сестру отказаться от этой идеи. Неизвестность – наипугающая вещь. Именно сейчас ее выбрали девочки. Правда могла бы разбить сердце Кларе. Правильнее думать о лучшем, что могло произойти с Бабочкой.

Все началось с апрельской алгебры

Что произошло с Лией за это время? Что случилось с Розой? Лия теперь в 10-м «А» классе. Появились новенькие, ушли старенькие. Все, как в традиционных школах. Обычная жизнь. 9-й Класс просто снес время. Казалось, он уничтожил даже секунды на своем пути. Однако в 9-м классе в жизни Лии появился один человек. Дальний. Странная фамилия. Хотя, кого обманывать – странных фамилий просто бескрайнее множество. Дальнего зовут Август. Получается, что новый друг Лии – Дальний Август. Будто все ждут последний месяц лета. На самом деле август вообще не ждут. Все хотят майских праздников, а потом лета, но с приближением августа становится грустнее. Что поделать? Родители назвали его именно в честь этого месяца, ну, а фамилия. Фамилию не поменять. Возможно, конечно, но зачем столько хлопот?

Это было на алгебре. В апреле. Лия теперь не «привидение» школы. Ее красное платье на дискотеке хорошо запомнили. Одежда может так изменить человека, что потом становится страшно самому: действительно ли это я? Лию этот вопрос не мучал. Более того, ей понравилось то прекрасное платье, в котором она была похожа на Дюймовочку. Воспоминания о дискотеке никогда не сотрутся из ее памяти. Именно в тот день ей открыли настоящую красоту. Роза заставила надеть платье, которое заставило бы немного приоткрыть ее застенчивую сущность. Было забавно, когда Лия настояла на своем и надела не очень подходящие кеды. А медленный танец с Марком не выходил из головы Лебедевой. Он держал ее за талию слишком уверенно. Лие нравилось. Нравилось, как он прижимал к своему сердцу, хотя сначала и вовсе недолюбливал.

Сейчас Лия новая. Она не думает о том, что завтра контрольная по химии с противной Жанной Филипповной и надо учить какие-то мудреные формулы, запоминая каждый коэффициент. А еще она не переживала по поводу зачета по истории. Нет, ей все нравилось. До встречи с Розой и Августом она нервно дрожала при виде листков с контрольными заданиями. Был кошмар, если девушка получала четверку за работу. Лебедева боялась сказать слово обидчику. А эти двое затащили ее в клуб бокса, где сначала Лие было противно из-за неприятного запаха пота и вонючих носков, а потом все это стало не важно.

Лебедева стала смелее и лучше. Новая версия настоящей девушки. Она постаралась наслаждаться жизнью.

Именно такая новая Лия привлекла Августа. Как уже говорилось выше, это была апрельская алгебра. Первый урок, а вот и новенький легок на помине.

– Привет, – расслабленно произнес Август.

– Ну, привет. А ты у нас кем будешь? – спросил подбежавший Рома. Он всегда должен был быть в курсе всех событий. Неважно, какие они: скверные, очерняющие доброе имя благородных учеников или отличные, превышающие статус троечников. Хотя знаете, новостей очень много. Так что есть и нейтральные мероприятия. Появление новенького в классе как раз и является таким. Между прочим, с сегодняшнего дня он тоже ученик 9-го «А». Перевелся из параллели.

– Август, – немного растерялся новенький.

– Кто, кто? – чуть не поперхнулся от легкого удивления рыжий Рома.

– Август. Не понимаешь? Мое имя, – парень немного осмелел. В эту же минуту он привлек внимание всего класса. Теперь ловит на себе любопытные глазки.

– Забавное имя, – пролепетала слащавая Мария. Она отошла от своей парты, заполненной косметикой и приблизилась к Августу. Любого человека должна привлечь. Потом сама решает: удостоить ли его чести войти в круг близких друзей или же оставить на задний план.

– Имя, как имя, – голос Лии прозвучал как что-то обычное. Будто это очевидное явление слышать такое имя. Девушка даже не выясняла ситуацию с именем.

Изменилась? Да, безусловно. Привидением ее никак не назовешь. Прежняя Лия проплыла бы призраком на свое место в классе и начала бы готовиться к уроку, судорожно повторяя весь материал. Упаси Бог, если бы кто-то с ней заговорил: она точно стала бы заикаться. Сейчас ей хотелось погрузиться во что-то новое, например, в историю с новеньким.

– А, ну слово девчонки в красном закон. С этим уж спорить нельзя. Мария, что замолчала? Я хочу услышать и твой голосок, – пропел Рома.

– Я лучше сяду. Вы тут без меня поспорьте, – Август не хотел становиться соучастником школьного скандала. Быстрыми шагами он направился к самой последней парте. По дороге быстро пробежался зелеными изумрудными глазами по лицу Лии. Девушка не обратила на него ни малейшего внимания. В руках у неё была книжка, название которой было скрыто от любопытного Августа.

Весь урок он сидел за последней партой. Одна парта отделяла его от Лии. Все сорок пять минут алгебра не являлась для парня важной в данный момент. Он то приподнимался, то потягивался.

На втором уроке ему надоело сидеть сзади. Он подошел к парте, за которой сидела Лия. Да, сидела она одна. Спросил:

– Можно я сяду с тобой? Ты же не будешь против? – Август не сомневался в ее согласии. Это ерунда. Подумаешь, посидит с ней. Почему место вообще должно пустовать? Сейчас Лия решила взглянуть на того, кто отвлек ее от чтения. Она легко закрыла толстенную книжку и повернулась к новенькому.

– Август, зачем тебе это место?

– Ну, оно же пустует. Просто, эм... ну, мне скучно сидеть одному за последней партой, – накрыло парня волнением. От того, что она назвала его по имени, на спину напали мурашки ледяным горошком. Он терялся в нерешительности.

– Прости. Скоро оно перестанет пустовать, поэтому тебе придется занять прежний трон. – Лия слегка улыбнулась. Искренне. Из-за этой улыбки Август согласился бы даже сесть рядом с рыжим Ромой.

– Ты что? Я не обижаюсь. Я же не какая-нибудь девчонка. – Забавно задела его слова Лии. – Пойду к своему «трону». – Парень показал кавычки пальцами.

– Не обижайся, серьезно. – Поздно, Август успел обидеться.

Девушка не разрешила сесть рядом с ней. У нее такая завышенная самооценка? Он недостаточно привлекателен? В этот момент он быстро посмотрел в сторону стеклянных дверей огромного шкафа с книгами. Что вообще читает мисс Недотрога? Август кинул молниеносный взгляд на книжку, которую читала девушка. У парня была необычная способность. Он умел быстро читать и запоминать прочитанное. На этот раз он запомнил название: Джейн Остен «Гордость и предубеждение».

– Придется поболтать с твоим соседом сзади.

Лия снова улыбнулась. Теперь улыбка была ее обычным явлением. Серебристые волосы не вуалировали личико, как бывало раньше.

Когда Август приблизился к намеченной парте, парень в очках сразу посмотрел на пришельца четырьмя глазами.

– Микки, – не ожидая вопроса, произнес главный умник класса.

– О, а ты вроде нормальный парень. – Хоть кто-то за этот несносный день дружелюбно поприветствовал Августа. – Мое имя ты наверняка знаешь. У вас к новеньким тут особый подход? Точнее, у вас вообще подхода к новеньким нет.

– Почему же? Была одна новенькая. Очень даже ничего.

– Да? И кто же она? Покажи пальцем что ли?

– Понимаешь...

– Да, я понимаю. Показывать пальцем нехорошо. Я знаю, поверь. Меня мама этому тоже учила. Ничего, ничего, – поспешно перебил Август.

– Не в этом дело. – Микки снял очки. Это признак того, что начнется долгая история великого умника класса. – Она сидела рядом с Лией.

– Что? Но где сейчас она? Лия сказала, что ее соседка скоро вернется.

– Это она так думает, – Микки резко перешел на шепот, – лучше не спрашивать её о Розе.

– Роза? Она перевелась в другую школу? – вслед за Микки на шепот перешел Август. Умник посмотрел на собеседника, будто жалел его. Затем почесал голову и надел очки снова. А вот это уже предвестник того, что истории не будет. Происходит столь неожиданное замолчание в очень сложных случаях. Для Микки таких случаев обычно не существует, так как его мозг способен запоминать огромное количество информации и пользоваться ею во всех случаях, к тому же шестеренки в мозгах работали каждый день непрерывно и результативно.

– Чувак, ты мне не отвечаешь? Я думал: мы уже нашли общий язык.

– Я не чувак. Микки. Я – Микки. Ясно?

– Ну, блин. Хорошо. Можно мне с тобой сесть?

– Со мной уже сидит Динара.

– Ооо, твоя девушка? – Как может человек так быстро перестраиваться на другие темы? Августу явно нравились представительницы прекрасного пола.

– Нет. – Микки искривился и сузил глаза. – Обычная соседка по парте. И почему перемена такая долгая? – Последнее вопросительное предложение Микки произнес с легким оттенком раздражения.

– Уф, что вы все такие скучные?

Он не успел удивиться, как прозвенел писклявый звонок. Как Вы знаете звонок никогда не шадит ушей учеников. За одно короткое мгновение настроение может провалиться под и так разваливающийся пол. Август собрал все вещички Микки и переложил на последнюю парту. Представляете? Нет, Вы вряд ли это представляете. Произошло отнимание леденца у малыша, ищущего в придачу маму. Ладно, я преувеличиваю. Это было бы слишком – приводить в пример несчастье маленького мальчика. Недоуменный взгляд Микки и его бесполезные размахи руками больше напоминали поведение курицы. Не петуха. Нет. Петух будет достойно кудахтать, поднимая красный гребешок, сверкая своей гордостью и величием.

– Что. Ты. Делаешь. – Микки поленился показать вопросительные нотки. Его тон был нааамного интереснее.

– Блин, чувак, я хотел нормально поболтать с тобой, а ты меня игнорируешь.

– Я же не буду прогонять девушку с ее места? – чуть не вскричал Микки.

– Прости, прости. Я могу купить тебе шоколадку.

– Какую шоколадку? Да иди ты. Освобождай мое место! – Микки хотел перенести свои вещички обратно, но...

– Что это за красавчик? Микки, не возвращайся. Мне мальчики нравятся больше, чем списывания. – А вот и Динара пришла. Красотка в черном платье и с распущенными черными волосами. Флирт являлся для нее делом житейским. Черные, как гуашь глаза, блестели, стреляя звездами. Заприметив новенького, она начала заворачивать его в свои любовные сети. Конечно, очкарик Микки нужен роковой красотке исключительно для нормальных оценок в дневнике. Как всегда, опаздывая на ненужный для нее урок, она с обычным видом является, как ни в чем не бывало.

– А ты, Динара, да? – заинтересованно спросил Август.

Ему так льстило внимание этой яркой звездочки в черном небе, что самооценка готова была продырявить крышу школы. Редко удавалось ему находиться в центре разговоров девушек. На самом деле больше он хотел привлечь внимание Лии. Может, хоть обернется? Увидит, насколько обаятелен новенький? Мысли сладкой ватой окутывали воображение парня. Он даже улыбнулся, будто в трансе.

– О, да тебе нравится мое присутствие. – Улыбка, которую не поняла Динара, польстила ее навыкам по флирту. Впрочем, как и каждый раз.

– Я? Нет. Ну, то есть да. Почему напрямую об этом спрашивать?

– Да я вообще люблю делать все откровенно.

– Да? Тогда я лучше уступлю это священное место своему другу. – Флирт явно не понравился новенькому. Август не привык к такому приторному вниманию. Зато Микки со слащавой улыбкой поплелся на законное место. Да еще и подмигнул Динаре.

Август просто сел рядом с Лией.

– Парень? Серьезно? Я и очкарик? – Динара начала дергать ухо Августа. Ох и не повезло пареньку. Надоедливая, но обиженная красотка сидела прямо за его спиной. Не сдобровать обидчику.

– Ты меня не так поняла, – оправдывался Август, – я не это имел в виду. Микки больше жаждет твоего внимания. – Он быстрее начал раскладывать свои вещи на новой парте.

– Так, а теперь и мне удосужься объяснить. Это место свободно, но никто сюда не сядет.

– Лия, почему ты так рассержена? – Август никак не мог понять, почему она так дорожит местом, которое через некоторое время будет местом вообще других людей. – Я не собираюсь списывать у тебя домашку. – После чистосердечного признания Августа, Динара легко усмехнулась, подмигивая Микки. Намек был ясен, как красная помада на губах Марии. Динаре повезло с соседом по парте, у которого в голове находятся знания мира.

– Всё не так легко, – Лия начала дрожать. Сжала ледяные руки, согнулась и еще немного, крошечный алмаз под названием слеза скатился бы по щеке. Да шутка, шутка. Страх появлялся в ее мире уже совсем редко. В основном рядом с ней существовала неизвестность или какая-то пустота. Каждый раз, боясь чего-то нового, она просто говорила, что это, по крайней мере, не убьет ее. Да, слабое утешение, но зато удивительным образом срабатывало.

– Объясни. Мне очень интересно.

– Ты первый день в школе и думаешь, что я расскажу тебе обо всем?

– Блин, хватит усложнять, – Август начинал сдавать позиции. Упрямство Лии побеждало, а Динара и Микки слушали, улыбаясь каждые пять секунд. Им только чипсов не хватало, а так кино было занимательным, а что еще более важно, это фильм, основанный на реальных событиях.

– Кто бы говорил. Это ты поступаешь глупо. Садись туда, куда не нужно. Лезешь в незнакомые тебе дела...

– Она говорит правду. – Начал снимать очки Микки. Слава Богу, подросла Динара и быстро одела неуклюже ему их на нос. Не хотела долгих заумных историй Микки.

– Динара, я хотел только объяснить причину.

– Не надо, серьезно. Не ему, – мрачно произнесла Лия, взглянув на умника. Тот только повел плечами.

– Почему сразу не мне? Вот это уже слишком. Я новенький, это не значит, что от меня должны что-то скрывать. Все, я уже в вашем классе, нет смысла делать меня чужим. Это глупо.

– Вот именно ты новенький, а новеньких недолюбливают. – Разрушила надежды Августа Лия.

– Ну почему же? – Встряла в напряженный диалог Динара. – Вот мне, например, очень даже нравятся новенькие. Так и тянет с ними поговорить. От них исходит запах новизны.

– Вот так. – Показал указательным пальцем на спасительницу Август.

– Ладно, как знаете. Это место пока будет пустовать, – процедила сквозь зубы Лия.

– Вот ты! Все, сдаюсь. Надоело мне это, – действительно сдался Август. Добро пожаловать обратно на Камчатку, парень. Недовольно поплелся назад.

Каждый день Август подсаживался к Лие с мольбами о заветном месте. Не хотел он испанской парты и флиртов Дианы. Однако герои не сдаются. Через неделю он уверенно сел за парту Лии, не сомневавшийся в своем выигрыше. Он ждал будущую соседку с очаровательной улыбкой на лице. А вот и она. С длинными распущенными волосами, в белой рубашке и с кулончиком в форме часов на шее. Она явно спешила, так как успела уронить учебник по физике, а ронять вещи для Лебедевой – это признак великой спешки.

Приблизившись к парте, она просто остолбенела. Лия повесила рюкзачок на крючок и села напротив Августа. Взгляд был полон недоумения, рука начала играть с золотой цепочкой в форме часиков. Уголки бровей поднялись, создавая полувогну. Равнодушный голос произнес:

– Что на этот раз? Зачем так улыбаться, будто выбрался из туалета, не утонув в унитазе? – Что за шутки, Лия? Что за некрасивый сарказм. Давно она не издевалась над людьми. Видимо время пришло. Может, успеет реабилитироваться в искусстве юмориста?

– Я, я, – заикался Август, – я принес тебе одну вещь, – промямлил самоубийца.

– Может, встанешь? Уйдешь к себе, на последнюю парту? Потом напишешь мне на листке то, что хотел сказать сейчас? Просто ты меня сейчас порядком злишь, а эмоции показывать я не хочу. Я же не истеричка.

– Да, наверное, мне лучше уйти, – подавленно сказал парень.

– Тогда иди, – скомандовала девушка.

– Уже. – Август тихо побрел в конец класса.

Но он успел оставить кое-что на парте: что-то, завернутое в газетку. Лия быстро развернула сверток и обнаружила книгу. Внезапно ей стало стыдно за свой проступок. Слишком резка она с новеньким, а ведь ему нужна поддержка. В классе у него толком друзей нет. Немного общается с Микки, избегает намеков Динары, постоянно сверлит взглядом Лию и, кажется, пытается сдружиться с историком. А когда она прочитала название книги «Разум и чувство» Джейн Остен, ей стало не по себе за свои слова. Не стоило грубить. Совесть как всегда в подходящем месте и в подходящее время. Это одна из уникальных черт внутреннего голоса.

– Спасибо, – буркнула Лия, подойдя к Камчатке Августа.

– Не за что, – буркнул в ответ парень. – Два обиженных ребенка главели друг на друга, не зная, что сказать. Первой неловкое молчание нарушила она:

– Прости за нетеплый прием. Это долгая история. Я имею в виду история с местом. Пока не время для моего прошлого. Давай лучше я поблагодарю тебя еще раз за книжку. – Лия стала совсем смелой: заговаривает с парнями, не боится съязвить. От призрака и прозрачного дыма не осталось следа. Август не сразу ответил, но нашел уникальный ответ.

– Ты странная...

Последовало неопределенное молчание.

– В каком смысле? Если на то пошло, то ты страннее меня. Открою секрет. Ты так хочешь место рядом со мной, даришь книжки любимой писательницы. Хотя может все влюбленные странные...

– Кто это влюблен? Я хочу это место. Ты просто идеальный вариант, – скрытничает Август, но понимает, что несет чушь.

– Да, да, конечно.

– Ну, вот так. Можешь считать меня странным, – сдулся от проигрыша Август.

– Хорошо, как скажешь, ты сам согласился со мной. – Лия развернулась и сделала два шага навстречу к своей парте.

– Да стой. Теперь же я могу сесть рядом с тобой? – Август умоляюще посмотрел на Лию.

– Нет, – как-то громковато пронеслось по всему классу.

Грозное «нет» испугало Августа, но именно с этого момента началось их общение. Парень не стал спорить. Он лучше оставит секреты нераскрытыми.

Август дарил всегда ей книжки, а Лия слушала его «оригинальные шутки». Товарищи по обмену. Лия впустила его в свой мир, не думая, что может потерять. Сбегать с уроков превратилось в их частую игру. Сбегать от всех, от толстых учебников, обезображенных внутри тупой свастикой, от стен, исчирканных синей ручкой, от учителей, думающих, что их предмет важнее всего на свете. Они сбегали вместе, в новый мир. Однако место рядом с Лией оставалось пустым. Август подождет. Да, обязательно дождется дня, когда Лия откроется ему и расскажет о Розе.

Рассказать о ней Лия не могла. Воспоминания не успели отпустить ее в настоящий мир. Еще слово – Лия могла бы впасть в уныние. Еще воспоминание – слеза не дожидалась бы, пока ее вытрут сухой рукой, и скатилась бы по гладкой щеке. Не готова хрупкая правда выплыть наружу, разбиться вдребезги, оставив ранку в сердце Лии. Эти воспоминания только ее. В них не должно быть посторонних.

Окунаясь в прошлое

– Как твоя школа? – бросила Клара сестренке.

– Я, по крайней мере, там учусь, в отличие от некоторых.

– Пф, подумаешь. Если честно, я рада, что не потратила свои прекрасные годы на всякую фигню, типа задачек по химии или правил каких-то рук по физике.

– Мда, видно, видно, что ты состоявшаяся личность.

– Лия, у меня пока есть Мила. Мне не до работы. Я – мама, не забывай. Вот потом, я еще покажу тебе, что школьный материал мне вообще не пригодится. Кстати, знаешь, кое-что все-таки тебе понадобится. Например, заполнение кимов на экзамене. Да, да, когда пойдешь на почту получать посылку, то там тоже придется заполнять бумажки по паспорту.

– Ага, только это и пригодится. Тебе. А вот я буду ждать дня, когда ты найдешь работу. Нормальную. Однако постой, давай хотя бы поспорим? Зачем попросту тратить слова типа «я же говорила».

– Ли, все хватит. Мы даже об этом споре забудем.

– Нет, – возмущается Лия, – я этот день отмечу в календаре наклейками с обезьянами.

– Почему с ними?

– Потому что они похожи на тебя: висят на деревьях, крича непонятно и одновременно жуя бананы, – секундное молчание, – удивительные животные!

– Ли, иди уже к себе, – Клара закатывает глаза и отходит к крошечной кроватке маленького ангела. Лия не торопясь покидает комнату, но около двери останавливается и смотрит в сторону сестры. Клара нежно гладит теплую спинку малышки, поя колыбельную. Честно сказать певица из Клары такая, будто медведи со всех лесов наступили ей на уши. Да все равно. Кажется, маленькой Миле нравятся мелодии. Клара пытается петь, как профессионал на большой сцене, но не получается. Ладно, зато самое искреннее пение, которое можно услышать. К тому же заряд смеха для Лии.

Лия все-таки выходит из комнаты. Она направляется на кухню.

Естественно, дымящийся обед заждался проголодавшегося подростка.

– Клара снова поет колыбельки? – пролепетала София.

– Да, мам, ее пение просто восхитительно. Я даже не знаю, в кого она такая талантливая.

– Ой, да ладно, по телевизору поют не лучше.

– Ну, ты это конечно сравнила, – возразила Лия.

– А что? Да у нас даже песни не могут написать. Вот слушай: выбирается какой-нибудь молодой певец или певичка с хорошим личиком и идеальной фигуркой, дальше же им придумывают песни с простым текстом и музыку, похожую на топот копыт лошадей. А что остается исполнителю? А он просто должен стоять на сцене и двигаться, как дурак, как черт какой-то, аж страшно. Хотя за рубежом классно поют, заслушаться можно. Это же Россия. Хоть бы талантов нормальных отыскали. Зачем шоу придумывают? Я, конечно, понимаю: здесь все не для людей...

– Мааааам, ты куда поехала? Живи и радуйся. Неважно, что творится на улице, главное, что сама создаешь жизнь. Просто будь проще и не обращай внимания на эту ерунду. Словами ты ничего не изменишь. Остается только изменять собственную жизнь.

– Ты такая наивная. Мир не так идеален, совсем другой. В нем нет места твоим розовым мечтам.

– Я не хочу спорить с тобой, – Лия начинает дуться. Зачем мама с ней спорит? Какой толк?

– Правильно, не спорь. Я лучше знаю. Я же твоя мама. – София дернула головой, показывая превосходство. Подошла к Лие и обняла ее.

- Неужели Клара будет такой же? – спросила себя Лия.
- Что? Я не расслышала, извини.
- Нет, ничего. Это я о своем. – Лия никак не могла подумать, что *сама* может вырасти такой же. Иногда она чувствовала себя ребенком из другой семьи.
- Я не хочу тебе говорить ничего плохого. Просто знай: жизнь сурова, особенно к таким фантазерам, как ты. Хватить жить мечтами. Я тебя люблю, поэтому открываю глаза.
- Да, конечно, – тихо звучит в ответ. Как будто она не знает шаблонные фразы про «жестокий» мир, несправедливость...
- Я желаю тебе только счастья. Я знаю жизнь лучше. Много прожила. По крайней мере, больше тебя.
- Конечно, больше, ты же родила меня.
- Опять кривляешься, – она наклоняется к уху дочери и шепчет.
- Лия и кривляться – несовместимые вещи. – Высунулась шипящая голова Клары из комнаты.
- Ты вообще смотри за Милой, – также прошипела Лия.
- Тихо всем! – шепнула София и подняла глаза на Клару. – Не знаете, кто спит?
- Вообще-то никто не кричит, даже громко не говорит, – отвечает Лия.
- Ладно, я смотрю у вас весело – не буду портить праздник. Миле тоже нравится. Она заснула. – Блондинистая голова скрылась.
- Скоро придет папа. Кстати, что тебе подарить на День рождения? Все-таки этот день через неделю.
- Мама, что хотите. Я люблю сюрпризы, – таинственный ответ заставил Софию задуматься.
- Может, телефон? А нет, слишком дорогое удовольствие. Хочешь красивое платье? Я знаю один дешевенький магазин. – София подмигнула дочери так, будто нашла какой-то потайной ход в царство денег.
- Можно просто, чтобы папа был дома, – уже громче сказала Лия. Это можно услышать. Однако София будто специально превратилась в глухую.
- Насчет платья подумай, – протараторила София и направилась в зал.

На кухне только Лия. Лия и ароматное жаркое. Жаркое и Лия. Замечательная компания. Такому спутнику можно многое доверить. Он, конечно же, даст совет. Сидишь, а рядом красивое блюдо. Даже жаль его есть, ведь испортишь ауру. Лия берет в руки ложку, смотрит на блюдо, пытается подумать о разговоре с мамой. Ничего не получается. Медленными, но глубокими разрезами она протыкает картошку, похожую на солнце-луну, поднимает ее над собой и говорит: «Теперь ты меня тоже не сможешь выслушать».

Наслаждаясь едой, Лия прислушивается к каждой мелочи в квартире. Из спальни доносятся недовольные писки маленькой Милы. Все-таки поняла, что пение мамы не лучшая мелодия для концерта. София включила телевизор в зале. Снова новости. В округе разрисовали автомобиль, а в магазине украли какое-то украшение. В принципе ничего нового. Обычный режим. Обычная жизнь.

Шумный комар надоедливо жужжит, летая около желтой люстры. Думает, что это солнце. За окном как всегда кипит бурная, словно цунами жизнь. Она течет, сбивая своим течением временные барьеры, сокрушая лучшее и худшее в жизни. Она помогает помнить и забывать.

Теребя пальцами кулончик в форме часиков, Лия смотрит на календарь. Да, скоро восьмое сентября. Совсем близко ее День Рождения. Она начинает вспоминать, что произошло за все время, как изменились ее будние дни и как преобразились каникулы. Лия решила вспомнить все заново. Достав из-под кровати огромный дневник, на котором красовалось изображение красноволосой Розы, бледной Лии и смеющегося Марка, она открыла первую страницу

личной книжки. Да начнется жуткое и стыдное за себя веселье под названием «чтение дневника».

«Сегодня снова задали много домашки. Но я справилась, даже легла спать пораньше. Завтра контрольная по геометрии. Ужасно боюсь. Может, лучше подготовиться, чем лежать в теплой постельке? Хотя, я лучше сделаю презентацию по биологии. Как раз на следующей неделе показ. Нужно подготовить речь и подобрать интонацию. Как же много дел. Как успеть? Я бы лучше заболела, но тогда пришлось бы все равно делать много работы».

Лия переворачивает страничку за страничкой и видит такие же слова, только насчет других предметов и заданий. Белоснежные страницы исписаны синей ручкой до дыр. Будто переворачиваешь не страницы, а пожелтевшие листья старого дуба. Одни и те же проблемы, одна и та же депрессивная чушь, созданная из скучных дел Лии. А вот нашлось что-то новенькое в потрепанном дневничке.

«Какой ужас! Новенькая и ее брат сводят меня с ума. Зачем пристали ко мне? Отвратительное поведение, наприличные шутки. Как от них избавиться?».

Прочитав эти строчки, Лия рассмеялась. Будто вспыхнула яркая лампочка. Она четко представила перед собой момент, когда Марк перепутал её с Марией в темном классе и назвал в итоге «Ошибкой». В принципе он продолжал использовать кличку и в дальнейшем. Лию раздражали его шутки, направленные в ее адрес, его повелительные действия. Будто Лия должна была делать все, что он говорил, но она никогда не подчинялась. Роза же потащила ее в клуб бокса, где сама тренировалась и готовилась к соревнованиям, но не смогла продолжать...

«Снова папа злится. Надоел своим пессимизмом. Иногда кажется, что я не их дочь. Любят свою Кларочку, а обо мне вообще не думают. Как можно любить одного ребенка больше другого?».

«Я начинаю волноваться за Розу. Ее не было целый день. Эти записки о том, что нужно прийти на концерт. Только там можно узнать о ней. Придется идти».

Лия словно впиалась глазами в страницы дневника. Именно тогда она впервые пошла на концерт. Выступали «Tokio Hotel». Лия начинает вспоминать, как толпа двигалась в такт музыке и зажигала зал энергией. Она ощущала чье-то горячее дыхание за спиной и легкие прикосновения. Да, Марк любил ее преследовать. В тот раз он крепко держал ее руки. Лия хотела сопротивляться, но не могла физически, ведь он тоже занимался тайским боксом. Рок-группа начала исполнять медленную композицию «Run, Run, Run». Лие стало не по себе, щеки залила краска смущения. Хорошо, что в зале темное освещение, никто не увидит какой цвет приобрело ее лицо. Марк медленно развернул к себе Лию и начал танцевать....

«Ааа, как же было здоровски на концерте. Только в конце меня кинули, причем жестко. Марк вообще потанцевал со мной, а потом исчезли оба».

Да, Лию действительно бросили на концерте, но причины были. Красноволосая Роза исчезла со своим братом, потому что ей стало плохо.

«Почему я ищу его взгляд? Почему волнует его присутствие? Где вообще эта красноволосяя бестия? Бросили меня, а сейчас не показываются. Сегодня мы вообще-то должны идти на тренировку. Хочу побить Марка».

С каждой страничкой Лия понимала, как менялось ее настроение в течение учебного года. Первая половина дневника почти вся была о проблемах домашнего задания, о том, что подумают о ней учителя и одноклассники. Все до появления Розы. Вот, ее первые друзья, которые заставили почувствовать все, что только можно. Началось с испуга и гнева. Переворачивая страницы, Лия погружалась в радостные и волнительные воспоминания, незабываемые открытия и увлекательные приключения. Лия улыбалась. Страницы были раскрашены в яркие цвета, обклеены блестками и наклейками. Везде красовались фотографии Марка и Розы. Улыбка не сходила с лица девушки. Влюбленными глазами она разглядывала фотографии, иногда краснела и вслух смеялась.

«Я выиграла свои первые соревнования!!!! Так волновалась, что хотелось упасть в обморок. Как такое вообще возможно? Я в первый раз добилась чего-то и радуюсь этому. Это не победа в олимпиаде, а что-то большее! Сердце готово выпрыгнуть из груди. Конечно, этого бы не было, если бы Роза меня не поддержала. Сейчас она в больнице, и это так ужасно, что я не была с ней. Она была со мной, а я нет. Это она должна была участвовать на соревнованиях, а не я. Не знаю, как помочь, ведь ничего не могу поделать. Я бессильна против болезни. Марк также бессилён, он хочет быть стойким, на вид у него отлично получается, но в его глазах я всегда вижу что-то страшное, призрачное. Когда он смотрит на меня, я не знаю куда деться. Я начинаю краснеть, пытаюсь отвернуться, но не могу и тогда вижу, как блестят его карие глаза. Я вижу в них золотые карамельки. Неужели то, что я чувствую к нему, называется любовью?»

«Почему болезнь именно у нее? Почему вообще нет лекарства на излечение этой идиотской болезни? Сколько денег дается на громоподобные великие олимпиады. А лекарства против рака так и не придумают. Это же несправедливо. Она не должна так просто уходить в пятнадцать лет. Она не может бросить своих родителей, Марка и меня. За какие грехи? Рак просто выбирает себе жертву? Роза была такой здоровой и яркой. Боже, почему я пишу о ней в прошедшем времени? А вдруг так и будет? Она останется такой только в воспоминаниях. Нет, это слишком несправедливо».

Улыбка Лии сменилась молчаливой грустью, разрывающей тоской. Внутри что-то отламывается и исчезает в неизвестности. Лия идет к концу своего дневника. К горлу подступает ком.

«Она может выжить!!!!!!!!!! Всего лишь Израиль. Этот далекий Израиль поможет. Все будет хорошо. Она выздоровеет и вернется такой же жизнерадостной, какой всегда была. Нужно только время. Ничтожненькое время».

Лия искривилась от того, что назвала время ничтожным.

«Она уехала. Да, вчера. Ночью. Марк уехал вместе с ней. Роза говорила, что он останется со мной, но и он уехал. Сколько бы Роза не просила остаться. А мне только кулончик оставила в виде часиков. Марк подошел ко мне и сказал, что обязательно вернется вместе с Розой. Когда он обнял меня, мне так не хотелось прощаться с ним. Так не хотелось отпускать его. Только сейчас я осознала, что таких объятий может больше и не быть. Внутри

меня образовывалась огромная пустая дыра. Сердце не билось бешено, не сотрясало душу. Оно замерло, притворившись в неподвижную звезду внутри черной дыры. Тело начинало ослабевать. Но он так нужен Розе. Мне казалось он пах ромашками. Да, конечно, он же подарил потом мне букет ромашек. Пока они стоят в вазе и напоминают мне о нем. Теперь никого нет рядом, кроме них. Когда я обняла Розу, я просто тихо разрыдалась. Так тихо, что никто не слышал, кроме моего сердца. Я так не хочу их отпускать. Почему они меня бросают? Я теперь так боюсь их больше не увидеть. Как мне дальше быть? Как существовать?»

На следующей странице был прикреплен цветок ромашки, уже засохший. Лия погладила бумажные лепестки цветка, жесткую сердцевину. Здесь Лия прекратила вести дневник. Нет больше смысла вести его, тратить секунды на писанину.

Лето и девятый класс прошли. Никаких вестей не было из Израиля. Сейчас сентябрь второго числа. Почему километровые письма перестали приходить? Так просто Роза не могла уйти. Значит, она все еще жива. Рядом. Где-то смеется и рассказывает свои истории. Конечно, Лие обидно. Но почему-то ей кажется, что всему есть причина. Возможно, все образуется, но надоело каждый день быть в незнании и ждать чуда, ждать призрака.

Великаны умеют слушать

Вечер. Смеркается. Огни зажигаются. Лия берет кулончик в форме часиков. Поспешно уходит из квартиры. Нажимает кнопку вызова лифта. Секунда, и дверь открывается.

– Лия? Куда собралась? – спрашивает папа, выходя из открывающегося лифта.

– Да так, в одно место, – улыбаясь, отвечает она и входит внутрь. Сегодня папа какой-то радостный, даже ласковый.

– Заниматься чем-то потрясающим? Снова? – Обрато заходит в лифт Стас.

– Ну, хоть не опять.

– Снова, – довольно повторяет Стас. Ждал момента, пока произнесет слово заново. – Снова, – удовлетворяется он окончательно.

Лифт закрывает свои могучие двери. Лия видит на стенках одни и те же рекламы вроде той с номером доставки суши. Один раз Лебедевым захотелось заказать именно эту пищу, но результат оказался не таким красочным, как на картинке. В меню даже не было лапши в коробочках, которую обожала Клара, хотя в рекламе все четко проиллюстрировано. С тех пор они даже не заглядываются на рекламы.

– Пап? Что с тобой? – Лия жаждет рассмеяться, но пока не хочет показывать смешки папе.

– Ничего. Кажется, я могу тебя понять, – гордо произносит он.

– Пап, восьмого числа будешь дома?

– Я не знаю. Мне кажется, что буду очень занят.

– Я понимаю. – Лифт приближается к конечной точке. Опускается вниз, словно качели срываются с петель.

– Не волнуйся, день семейного кино можно устроить и послезавтра, да, Лия? – очень радостно произносит Стас. – Это даже раньше произойдет.

– День семейного кино? – Радость в голосе Лии умирает безвозвратно на сегодняшний день. Они никогда не смотрели фильмы всей семьей. В основном только Лия и Клара находили фильмы с трагической историей или несчастной любовью, а потом, чтобы заглушить поток слез смотрели комедии.

Наконец, двери лифта распахиваются, в пространство проникает сырой воздух. Лия хочет выйти, но папа продолжает свой бред.

– Ну да. Как мама мне сказала, – папа начинает подозревать неладное в настроении Лии.

– Конечно. Только это не все. Открою тебе секрет... – и замолкает. Лия думает, что бесполезно намекать на День Рождения. Кажется, не вернуть предпраздничной ауры, веселой суеты и веру в нереальный подарок. Хочется вырваться из злосчастного лифта, который придерживает башмаком Стас.

– Какой секрет? – очень игриво начинает спрашивать Стас. Пытается сменить тему. Он понял, что попал. Причем конкретно. Он не может вспомнить о дне, когда родилась его вторая дочка. Отец определенно понимает, что натворил дел, которых просто не вытрешь тряпочкой под названием «Прости». Да, есть такие дешевенькие тряпочки. Кстати, существуют и «Извини», «Не хотел». Иногда это дешевенькие тряпочки, как в данном случае, но в других моментах это ткани, сотканые из золота.

– Забудь. Вообще забудь. – Туча черной пеленой повисла над Лией.

– Малыш, я опять провинился?

– На этот раз снова.

– Как? Малыш? О чем я мог забыть? Прости меня. Извини. Не хотел. – Ага, вот и целый набор дешевеньких тряпочек. Не усидеть им на витринах магазина совести.

– Да не парься, уже привыкла. – Вырывается из лифта Лия, успевая нажать на кнопку под номером 6, чтобы папа не последовал за ней, а уехал домой.

– Лия! – только и успевает выкрикнуть Стас в надежде на то, что узнает причину обиды.

Двери закрываются. Сердце Лии замирает. Стас видит только голубые глаза дочери. Голубые, наполненные грустным вопросом. Невинный взгляд невинноватой *девочки*, проникающий холодным лезвием в сердце Стаса.

Зачем ему этот взгляд. Ее глаза будто говорят: «Пап, хоть раз в жизни...». Может, он старается понять, но не так сильно.

Эти голубые глаза. Цвета призрачного неба. С оттенком проливного дождя. Глаза, внутри которых рушится весь мир. Взгляд, распыляющий туманную даль.

Секунда. Сейчас даже этих глаз не видно. Двери закрылись. Лифт мчится обратно на шестой этаж.

Лия понимает, что папа всегда на работе. Она уже приняла его роль в ее жизни. Но всего лишь один день. Один несчастный, но единственный день невозможно забыть.

Она слышит, как двери снова открываются. Слышит шарканье башмаков папы. Теперь ключ вонзается в замочную скважину. Два механических, скованных железом поворота, и все. Дверь открывается и с грохотом закрывается.

«Ну и ладно. Подумаешь, забыл о моем дне. Да он всегда ставил меня на второе место. Пора привыкнуть. С чего я обижаюсь? Скажу, чтобы подарил мне платье. В качестве извинений. Он никогда не знал меня настоящую. Так пусть думает, что я хочу банальное платьице. Вообще, что я делаю в подъезде. Пойду, как он выразился, заниматься чем-то потрясающим. С чего вообще на него нашло вдохновение? Пытался подстроиться под мое настроение, хотя и понятия не имеет, что я чувствую. Он никогда не понимает меня и одновременно думает, что все знает».

Сейчас это не важно. Раньше Лия бы ужасно расстроилась, пустилась в сопливый плач, долго жалела бы себя, писала в дневник, как все ее не любят, как сильно она страдает. Да это нормально. Но в ней, будто что-то включили. Теперь она везде ищет что-то хорошее. Лихорадочные поиски.

Вот и многоэтажка. Та самая, куда взбирались Роза и Лия. Лебедева отчетливо помнит, как Роза стояла на краю здания с распростертыми навстречу ветру руками. Тогда Лия боялась высоты и не могла сделать также. Роза научила ее, как забыть о жутких страхах. Может, красноволосая девушка была такой рискованной из-за того, что думала, что ей нечего терять? Неужели Лия будет такой же бесстрашной?

На этот раз только Лия посещает столь милое заведение, то есть крышу. Она подходит к краю. Не боится упасть. Раньше это было ее страшнейшим кошмаром. Скрещивает по-турецки ноги. В такой позе начинает следить за включающимися и выключающимися огнями. Будто хлопки, словно взмахи крыльев бабочки. Резкие и яркие вспышки света. Одна за другой.

Многоэтажки – великаны. А зажигающиеся окна – их глаза. Представьте, что Лия сидит на одном из этих великанов и смотрит на такого же верзилу с сотнями глаз. Девушка, ловящая взгляды домов, обсыпанных желтыми фонариками. Обычно, приходя сюда, Лия разговаривает с ними.

«Я снова тут. Да, слушай, ты, когда уже приедешь? Мне надоело ждать. Много времени прошло. Это немалый срок. По крайней мере, для меня. Не знай, как там у тебя, какие временные измерения, но для меня это очень много. Может, хотя бы напишешь мне. Письмо. Да хоть на миллипизерном клочке бумаги напиши одно слово. Мне и этого хватит. Вот так ждать тебя без известий. Без общения. Ничего не знать и все равно ждать. Да я, блин, герой, наверное. Несу бред. Разговариваю с несуществующей Розой и немного с многоэтажками. Да все равно, никого же нет. Я не могу тебя найти, где бы ты ни была, разыщи меня сама. Ты можешь».

Лия вытаскивает из карманов черных джинсов тот самый кулончик в форме часов. Сложно постоянно называть этот кулон так. Пусть будет часокулоном. Это не часы, как можно было подумать. Тогда это были бы самые обыкновенные часы. Все выглядит немного по-иному: минутная стрелка, часовая стрелка, секундная. И ничего не двигается. Все замерло. Часы не тикают, отплясывая каждый миллиметр. Вместе с часами замирает время. Значит, уже невозможно бояться того, что время улетит, оставляя за собой только золотую полоску. Часокулон будто говорит, что время остановилось, и ты можешь делать все, что тебе хочется. Будто время специально ждет тебя. Оно не против твоей жизни и уступает свои секунды.

«Роза, ты всегда знаешь, что мне подарить. От кулончика я всегда была в восторге. Шик и блеск. Фу, когда я начала такое говорить? Сначала я подумала, что ты мне подсунула сломанные часы, но ты же всегда умеешь удивлять... ладно, хватит разговоров. Ничем они не помогут. Ты же не приедешь сейчас. Иногда я злюсь на тебя, думаю, что ты бросила. Я знаю, у тебя есть какое-то оправдание, но ты слишком сурова ко мне. Лучшие друзья так не поступают. А Марк мог бы со мной связаться. Ведь между нами что-то определенно было. Можно назвать искрой. Я так скучаю».

Да, пора приступить к важному делу. О беседе с папой Лия забыла. Привыкла. До чего дошла. Обидно, конечно, но, что поделать. Только жить дальше и верить в то, что папа хоть раз в жизни не забудет о чем-то действительно важном.

Достав маленькие наушники из кармана, она подключила их к плееру и включила до боли грустную мелодию. Такая грустная, что даже клоун бросил бы все и убежал за кулисы, чтобы проплакать все выступление цирковой собачке под хвост. Лия догадалась переключить трек. Сейчас играет музыка из мегаромантического фильма. Она уже не помнит название этой мелодрамы, но конец счастливый, так что пусть наслаждается.

Секунды летят, не успевая появиться. Часокулон уничтожает время. Поэтому Лия растворяется. Закрывает увлажненные глаза, стирает нежной рукой скатившуюся слезу: пусть не успеет разбиться вдребезги. Через несуществующую секунду улыбается.

Всего лишь второе сентября

– Опа, наконец, вернулись голубки! – Голос Ромы всегда можно услышать, всеми силами стараясь игнорировать его.

– Мы не голубки, – прыснула Лия. Ей не нравится рыжий парень, который совсем недавно перевелся из другой параллели в «А» класс. Вроде умом не отличался, а решил учиться здесь, в якобы сильном классе.

– Мы не голубки, бе, бе, бе.

– Лия как всегда права, – хотел сказать круто, но получилось убито у Августа.

– Голубкиииии, – Рома не понимает. – Кстати, у нас новый учитель, Лия, а тебя не было вчера. Она спрашивала отсутствующих, в прочем, учителя всегда спрашивают их. Даже не интересно. Но зато она ниче такая. Четкая.

– *Сегодня* мы пришли. Вчера даже не учились. Смысл приходить первого сентября. Только за расписанием, которое меняется каждый день и за учебниками, которые будут раздавать в течение месяца.

– Где же Вы были, леди?

Господи, неужели Луиза Вадимовна уже в классе?! Все учителя всегда опаздывают на уроки. Она сидит за кипами чего? Нет, не тетрадей. За кипами глянцевого журнала. У Августа так челюсть и отвисла. Лию, казалось, ничего не удивляло. В классе с появлением нового учителя больше не пахло абсолютно ничем кроме ее духов. Аромат довольно приятный.

– М-мы, а это... – заикается Август.

– Вы, я так понимаю, Август, да? – также деловито продолжает Луиза Вадимовна. Да ее просто Луизой испугаешься назвать.

– Да, это Дальний Август, а я Лебедева Лия, – спокойно произносит она вместо остолбеневшего Августа. Дальний имеет привычку замирать в самый неподходящий момент.

– Лия, Вы будете посмелее своего друга. – Что правда, то правда. Август мыл лицо не водой, а раствором из мела? Настолько бледен он сейчас.

– А, ну мы вчера не смогли прийти, – речь потихоньку возвращается к Августу. Наконец.

– Каковы причины?

– Моя собака... – начинает неуверенно Август. Лия сурово смотрит в его сторону.

– Речь пойдет о Вашей собаке? – не отрываясь от журналов, спрашивает Луиза Вадимовна. Ее очки сползли на аккуратненький носик.

– Да, собака. Она вчера умерла, – совсем убито произнес парень. Сейчас его убитость была к месту. Вот только голубые глаза Лии сменили свой цвет на черный. Она посмотрела на Августа круглыми глазами и покрутила пальцем около своего виска. Послышался тупой смешок Ромы. Он понимал, в чем вся каша. Остальному классу пока не было дела до этого квартета. Перемена все-таки. В основном все сидели в телефонах.

– Даже так? – решила удосужиться взглянуть на ребят учительница английского языка. Она сняла очки для чтения и посмотрела на врунишек.

– Да, именно, – вдохновился Август.

– А Лия, что скажет? – допытывается Луиза Вадимовна. Естественно, она не верит. Как в такое вообще верят?

– А, знаете, да, печальная история. – Была не была, лживый град сейчас хлынет на ухоженную головку учительницы.

– Да? Ради этого пропустили первый день?

– А как же. Это был единственный друг Августа. Конечно, не считая меня. Для него очень важно устроить для него похороны, – Лия решила приукрасить вранье друга.

– Это в первый и последний раз. Понимаете? – Лия и Август не понимают, к кому именно обращается учительница. То ли к Лие или к Августу, или вообще к обоим сразу. Луиза Вадимовна разглядывает глянцевые страницы журнала.

– Ага, конечно, – спасает безмолвное положение Рома. – Все поняли. Не волнуйтесь. Класс мы очень дружный.

– Откуда знаешь? Ты только недавно перевелся, – наезжает Лия.

– Знаю. Я все знаю.

– Ничего ты не знаешь, – злится Лия.

– Да хватит уже спорить! – Отгадайте, кто сказал эту фразу. Слова принадлежали Микки. От такой смелости весь класс недоуменно замолчал. Сам парень испугался своего вызова.

– Какие люди. Раз Микки говорит, значит нужно послушаться, – подкальывает Рома.

– Умных нужно чаще слушать, – вмешивается Динара, помогая соседу по парте. На носу контрольная по алгебре, нужно поддержать Стаса, чтобы даже не списать у него, а заставить выполнить всю работу за нее. Это был гениальный план для такой маленькой, но красивой головки, как у Динары.

– Ну, да, ты же лучше знаешь, – прыснул Рома.

– Пойду на свой трон, – быстро передал послание Август Лие. Надоело тут стоять и слушать весь бред. Проходя мимо, он тронул плечо Микки, будто говоря «спасибо, но это не поможет».

Лия пожалала плечами и направилась к своей третьей парте среднего ряда. В самой середине. Рома зачем-то сидел на первой парте третьего ряда. А, конечно, чтобы слышать даже то, что происходит вне класса. Поэтому его сиденье ближе к двери. Петуху необходимо клевать зерно везде, даже в самых черных дырах, заросших мягкой паутиной. Динара сидит рядом с Микки сзади Лии. Роковая красотка, которой нужны хорошие оценки. Сломает ноготь любой девушке, посягнувшей на ее парня, забрызгает комьями грязи любого, кто помешает добиться ей желаемого. А Микки... он просто счастлив, что с ним сидит популярная девушка. Гордо поднимает голову по этому поводу. Он вроде умный, но в жизненных делах ничего не смыслит. Ему редко удается угадать сущность человека. Формулы и проекты занимали все пространство в его светлой голове. Зато у других были иные дела. Смотрите, кто не спешит на своих огромных каблуках. Духи ворвались в класс быстрее, чем ее шпильки. Мария заходит, будто всю ночь тщательно делала домашнее задание по предмету «накрась себя сам профессионально». Девушка определенно получила бы высший бал по этому предмету. Она медленно проходит к парте, находящейся на первом ряду, как раз перед Дали. Прежде, чем сесть, Мария резко поднимает ресницы. Карие глаза будто жалят учителя. Определенно, Мионовой Луиза Вадимовна не нравится. Конечно, глупо, но в классной руководительнице Мария видит соперницу. Конкурентку по количеству косметики или журналов.

Звонок тут как тут. Крики детенышей динозавров доносятся по всей школе. Сигнал к началу учебных занятий. Давно пора, минут на пять задержали.

– Здравствуйтесь. – Говорит Луиза.

Конечно же, когда учитель здороваается, остальные должны показать дань уважения в ответ и встать. Все устало и нехотя встают и снова плюхаются на свои жесткие сиденья аля деревянные стульчики, покрашенные в голубой цвет, – сейчас я вас отмечу и мы приступим к уроку.

Луиза Вадимовна начинает говорить все фамилии по журналу. Традиционная проверка на отсутствие учащихся.

– Галимов Дали, – проверяет она.

– Здесь, – отвечает. Лия понимает, что у них новенький и со скоростью света смотрит на соседнюю парту слева. Парень с карими чистыми глазами и темными, словно горький шоколад волосами. Он сидит один. Дали отвлекся лишь, когда назвали его имя, а потом снова начал смотреть в окно.

Почти весь класс уже назвали. Остается последняя фамилия на проверку. Рома сидит, съездившись в морской колючий клубок. Он судорожно тыкает концом ручки о парту. Его зубы и кулаки сжаты, а спина сгорблена. В глазах будто ураган, наводнение и землетрясение одновременно. Все понимают, что сейчас назовут его фамилию. Всем любопытно, как поведет себя рыжий.

– Хим, – начинает Луиза Вадимовна, но к ее разочарованию реакция у Ромы быстрее. Она не успевает произнести зловещую фамилию.

– Можно и без фамилии, – злобно огрызается Рома. – Все зовут меня Ромой, но учителя могут звать и поофициальнее, если хотят.

– Мне все равно. Так что будешь Ромой, как и хочешь. – Снова в классе повеяло холодом.

Вот так и закончилось милое общение. Сейчас начнется урок, все будут заняты. Ладно, далеко не все. Кто-то слушает музыку через наушники. Кому-то как всегда хочется спать. Парень за последней партой, а это Август, естественно тоже хочет спать. Английский ему никогда не нравился. А тем более с новым учителем разговоры не складывались. Рома все еще сидел сжатым и сторбленным, словно в его тело вкачали свинец. Дивный ледяной урок начинает править первые сорок пять минут.

Впереди красный огонь

– Как тебе Дали? – интересуется у Августа Лия по дороге домой.

– Станный, – бросил он.

– Почему сразу странный?

– Ну, ты подумай: постоянно молчит, смотрит только в одну точку, ничего ему неинтересно, – Август все говорит так, будто все предельно логично. Можно не вызывать детективов, писателей, журналистов и прочих ищеек правды.

– Молчаливый. Я раньше была такой же.

– Ты? Не думаю. Не могу представить. Ты всегда болтаешь. – Август уставился на Лию вопросительными глазами.

– Да. Я была привидением. Мне ничего не было интересно, – сказала она грустно. Подумала, а что если бы Август перевелся в их школу раньше. Стал бы общаться с призрачной Лией? Сомнение предательскими шажками закралось в сердце.

– Нет. Ты обманываешь меня. Я знаю только тебя. Другая Лия испарилась, наверное, – пытается шутить Август. Как всегда шутки не его стихия. Даже, если расскажет популярный анекдот, не получится рассмешить.

– Да правду говорю. Вот трудно, когда ты ничего не знаешь, а говоришь так уверенно.

У Августа снова отвисла челюсть до самого асфальта, обсыпанного желтыми листьями. Здесь вообще убираются? Вроде рядом проводят субботник. До этого места тоже должны дойти.

Снова она его сделала. Полила краской цвета правды.

– Знаешь, я не могу ничего утверждать, потому что ты никогда не рассказывала о своем прошлом. – Повеяло обидой от парня.

– Значит, не время. Расскажу потом, – нежнее проговорила Лия. Она понимает: Август имеет право обижаться. Было время, когда она также была в сетях некрасивой лжи. Правда была еще сквернее. Иногда полезно быть обманутым, чтобы не пораниться о ядовитые косяки правды. Для Лии лучшим лекарством было знание истины. Каким бы детенышем чертополоха правда ни была.

– Боже мой, а когда оно придет? Когда мы закончим одиннадцатый класс? Когда все разъедемся по институтам, городам, да даже странам? Когда нам станет пофиг друг на друга, и мы будем вспоминать школу только раз в год? – Август твердыми шагами строит лестницу правды.

– В этом году обязательно все расскажу тебе.

– Можешь не говорить. Мне достаточно общаться с тобой. Вдруг у прошлой Лии были тараканы в голове, – сдувается Август. Не хочет обидеть подругу.

У Лии отлегло от сердца. Спасибо, что Август не назойливый июньский комар.

Они идут по улице все дальше и дальше. Везде люди. Сзади, спереди, по сторонам. Разноцветные шапки и распущенные волосы, яркие и серые куртки, олимпийки и ветровки. Сколько много одежды. Лия всматривается в лица людей, пытаясь узнать знакомых. Как много незнакомцев, да даже эта маленькая улица уже полна тысячей.

Август и Лия идут по пыльной улице. Хоть много пыли, зато шума намного больше. Вдруг Лия останавливается, как вкопанная. Видит семью привидений. Август испугался, посмотрев на остолбеневшее лицо подруги.

– Лия? Лия? – Он смотрит на нее. Первый раз произносит имя, будто спрашивая, настоящая ли Лия рядом с ним. А второй раз высказывает имя, уже точно реальной хозяйки. Он сам надевает на себя маску белой статуи. Вирус положения скульптуры передается быстрее, молниеноснее эффективнее, чем ОРЗ.

– Подожди. – Лия отодвигает легким движением руки Августа. Слово его большие клешни, которыми он так старательно держит книги для Лии вовсе не клешни, а легкие перышки.

– Да что с тобой? – надоедает Августу. Он кидает руку Лии в сторону.

Сейчас перед Лией была одна цель. Август посмотрел, куда уставилась Лия. Он не мог понять, зачем она смотрит в спину одной девушки.

Лия ускоряет шаг. Она плывет по асфальту. Скользит словно на коньках. Впереди только девушка с красными волосами. Лия не видит ее лица, но знает, что должна бежать за ней следом. Лебедева перескакивает с ноги на ногу и переходит на бег. Перед ней только красные волосы. Она бежит за манящим огоньком, навстречу красному солнцу, за своей единственной надеждой. Эта надежда может вмиг погаснуть, но в следующий раз снова появиться. Возможно, надежда оправдает себя. Превратится в быль. Все небылицы и иллюзии испарятся. Их сдует теплым летним ветерком. Несмотря на то, что на улице золотая осень, ветер примчится из далекого царства Лета, чтобы сдуть накопившиеся мечты и превратить их в *настоящее* чудо.

Она бежит, толкая всех на своем пути. Сердце не знает, что ему делать. Отплясывать сумасшедшую чечетку или вальсировать на сказочном балу. Удары ее сердца пробегают больше, чем она гонится за счастьем сейчас. Они не знали старта, но сейчас возможно узнают, где находится финиш. Конец, который превратится в начало счастливой истории. Радость скатится с радужной горки прямо в начало этой сказки.

Летит без тормозов. Ведь, если остановится, то окончательно и навсегда. Лучше мчаться. Вот уже три шага отделяют Лию от горящей звезды. Первый шаг, сердце готово вырваться из груди. Второй шаг, оно со скоростью звука прорывается сквозь стены и преграды. Третий шаг – самый решающий. Ее рука тянется к плечу незнакомки. Содрогается, дрожит и сомневается. Она касается конечной точки.

– Роза, – ошеломляется произнесенному имени Лия. Она не может понять: неужели это реальная Роза. Как долго она не произносила этого имени. Как долго не видела столь ярких красных волос. Девушка поворачивается к Лие. Конец третьего шага. Сердце Лии, высвободившееся из горящей груди, разрывается на миллионы пламенеющих кусочков. Эти огненные пазлы еще долго будут воссоединяться.

– Девушка, Вы ошиблись. – Улыбается незнакомка и уходит прочь.

Не восстановить сердца Лии. Искусные врачи не собираются открывать дверцы своей служебной машины. Лекарство от разбитого сердца не придумали. Как много отрицательного «не». Только бы это «не» не превратилось в никогда.

– Лия! – запыхается Август. Он бежал следом, при этом извиняясь за Лию каждому пострадавшему от ее толчков человеку.

– Я думала, это была она, – кануло в пустоту.

– Ты снова о Розе? – Август не привык бегать за незнакомцами. Он знает, что Роза для нее невероятно важный человек. Хоть Август и единственный, кто не знает всей истории.

Лия смотрит на Августа отсутствующими глазами. Она понимает, что он спрашивает обо всем и пытается найти ключ от разгадки тайны. Но ее слух не подчиняется. Лия словно в стеклянной звукоизолирующей клетке. Пойманная птица, раненое создание. В ее сознании слышны только три слова, сказанные не той девушкой. Слова стучатся в голове, отвлекая от всего, что реально сейчас. Они бьют жестоко в лицо, оставляя кровавые следы. Силы кончаются. А теперь покаут. Темнота.

– Где ты летаешь? – не унимается Август. – Хватит! Приземлись. Хватит. – Он начинает трясти ее за плечи. Прохожие удивленно смотрят на эту картину и идут дальше своей дорогой. Потом, кто-то звонит по телефону и рассказывает об увиденном. Через секунды две-три Лия просыпается по звону будильника, в который превратились руки Августа.

– Да? Я тут. Не летаю. – Качает головой Лия. Она, действительно, приземляется.

– Слава Богу, Лия. Блин, ты умеешь напугать, – хочет все превратить в шутку Август, но его голос так и дрожит. Лия достает часокулон и удостоверится в его существовании. Странно, но она подумала на миг, что он мог исчезнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.